

Дмитрий Емельянов

ТВЕРСКОЙ
БАСКАК 2

Дмитрий Анатольевич Емельянов

Тверской Баскак. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70065682

SelfPub; 2023

Аннотация

1239 год. Новгород готовится к столкновению с Ливонским орденом за Псков, Батый двинулся завоевывать Европу, а Александра еще не прозвали Невским. В это тяжелое время учитель истории из 21 века пытается не только сделать никому не известный городок Тверь самым богатым городом на Руси, но и изменить историю России.

Содержание

Часть 1. Консул республики	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	76
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Дмитрий Емельянов

Тверской Баскак. Книга 2

Часть 1. Консул республики

Глава 1

В большой княжей палате Твери сегодня жарко. Полный состав боярской городской думы гудит, как растревоженный улей. Ждем доверенного человека от Великого князя. Он прибыл вчера, и до меня уже долетели слухи по какому поводу. Новость не то, чтобы совсем плохая, но и хорошей ее не назовешь. Прямо скажу, она застала меня врасплох.

Непроизвольно морщу лоб, последняя неделя и прям была богата на неприятные вести. На днях напомнил о себе Турслан Хаши. Сейчас он вместе со всем войском Батыя движется в сторону Киева, но тем не менее нашел возможность отправить ко мне гонца. Его беспокойство читалось между строк послания, где он в довольно завуалированной форме извещал о том, что из Каракорума назначен во Владимир новый баскак. Не кто-нибудь, а приближенный самого хана Угедея, бек битигчи Ярмага с полномочиями сбора дани по всему Русскому улусу. Назначен в обход Батыя, а стало быть, он, Турслан Хаши, никакой протекции мне больше

составить не сможет и просит меня быть с этим человеком крайне осторожным.

Самое же главное было в конце. Как я понял, ради этой концовки письмо и было отправлено, там он просил меня ни в коем случае не ссылаться на наш уговор и при новом битигчи вообще о нем не упоминать.

Вспомнив про нойона, не могу удержаться от иронии.

«Наш бесстрашный Турслан не так уж и бесстрашен!» – Сдержав это восклицание, обвожу взглядом собравшихся бояр.

На дворе конец августа, и их красные лица в купе с собольими шубами вновь заставляют меня ерничать.

«Охота пуще неволи! – Не меняясь в лице, мысленно язвлю я. – За восемьсот лет ничего не изменилось! Что в наше время, что в это! Ради понтов люди готовы вытерпеть что угодно».

Дабы отвлечься, встаю и подхожу к окошку. Глоток свежего воздуха мне не помешает. Через узкую, как бойница, прорезь виден противоположный берег Волги и стены моего острога. Сами стены еще деревянные, а вот четыре башни вдоль крутого берега уже обложены красным глиняным кирпичом и смотрятся весьма внушительно. Их островерхие крыши отливают матовостью керамической черепицы, а на шпиле центральной красуется позолоченный двуглавый орел.

«А что, – в очередной раз оправдываю свой плагиат, – хо-

рошая птица, со значением! Надо брать, пока еще свободна!»

Отсюда не видно, но я и без этого знаю, что еще шесть таких же красавиц башен выходят и на три другие стороны, делая острог неприступной твердыней, контролирующей как подходы к Твери с севера, так и речную стрелку реки Тверцы и Волги.

Шорох распахнувшейся двери отвлекает меня от умиротворяющего созерцания и заставляет обернуться.

Боярин Роман Радимич застыл в проеме своей дородной фигурой. Как ключник княжьего дома в Твери, он встречал почетного гостя и сейчас, поклонившись уважаемому собранию, провозгласил.

– Посол Великого Князя Владимирского, боярин Акинфий Ворон

Пройдя в палату, он отошел в сторону, пропуская имени того гостя. Княжий боярин ждать себя не заставил и вошел сразу же, громко топая подбитыми сапогами.

Чуть склонив голову в мою сторону, он также в рамках минимальной вежливости поприветствовал и сидящую вдоль стен тверскую госпожу. Затем вскинув голову и изредка оглаживая ухоженную бородку, он начал говорить:

– Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович волею своей снимает со стола Тверского своего старшего сына Александра и дает городу другого князя. – Тут он сделал театральную паузу и, вызывающе задрав подбородок, прошел-

ся взглядом по напрягшимся лицам бояр.

Многие отвели глаза в сторону, не желая связываться со столичным гостем, но Лугота прятаться не стал и встретил пронизывающий взгляд вопросом.

– А что же Александр? У нас со старшим Ярославичем вроде бы никакой при не было, и ему и нам тока польза.

Не выказав ни удивления, ни раздражения, посол ответил все в том же степенно-торжественном тоне.

– Великий князь сажает на Тверской стол другого сына своего Ярослава, а за Александром оставляет вотчину его, град Переяславль Залеский, и велит тому оставаться в Новгороде, да княжить там.

Со своего места так, словно бы рассуждая с самим собой, подал голос Острата.

– Младшему-то, Ярославу Ярославичу, сейчас поди и десяти годков нету. Какую же такой малолетний князь защиту нам даст? Может торопится Великий князь?

В ответ его тут же ожег гневный взгляд.

– Не тебе, боярин, судить о делах Великокняжеских! Кого и куда сажать из детей своих, Ярослав Всеволодович сам решит, а вам, господа тверская, следует знать, что за любым из сыновей княжих стоит грозная тень отца его. Она вам и защита, и суд праведный.

Я стою у окна и слушаю бояр лишь краем уха. Со вчерашнего дня, с той самой минуты, как мне донесли зачем приехал посол, я так и не смог ответить себе на самый главный

вопрос. Мне-то что делать? Коли Александра с Твери убивают, то и наместника его тоже терпеть не будут. Я, конечно, еще и ханский баскак, но и этот трон уже зашатался подо мной.

«Надо срочно менять свой статус в этом городе, но как?! – В моей голове начался очередной мозговой штурм. – Я здесь почти полтора года и точно уже не чужой. Может даже поближе к народу, чем иные местные бояре, но что это меняет... Стоит лишиться звания княжего наместника, как меня тут же попрут из городской думы».

Словно прочитав мои мысли, Якун глянул на меня с откровенным торжеством. Неторопливо поднявшись, он расправил полы шубы.

– О чем мы тут спорим?! – Его прищуренный взгляд прошелся по лицам сотоварищей. – Великий князь Ярослав Всеволодович дает нам князем сына своего, и это уже великая честь. А уж старшего или среднего, взрослого мужа или недоросля, то нам без разницы. Как справедливо сказал наш Владимирский гость, за всеми ими стоит отец со своей дружиной. – Чуть помедлив, он поднял на меня свои маленькие злые глазки. – Так что надо нам не чиниться, а с радостью принимать нового князя, да готовиться к встрече. – Тут он вновь бросил в мою сторону многозначительный взгляд. – А наместника Александрова пора уж со всеми почестями проводить в путь дорогу.

Это его напутствие вызвало активное перешептывание в

рядах остальных бояр, и мне стало понятно, что до сего момента никто вариант с моим изгнанием не рассматривал. Я даже с легкостью могу назвать причину этого. Ведь добрая треть из сидящих здесь бояр являются пайщиками моего «открытого акционерного общества», а без меня оно стоит недорого.

Великокняжеский посол, не разбираясь в местных нюансах, с недоумением забегал глазами по боярским лицам. Излишне бурная реакция, на казалось бы вполне обычную речь, его сильно заинтриговала.

Посвящать чужака в наши разборки было уже лишним, и, подняв руку, я подал знак стоящему у входа гридню, мол выводи.

Охранники подошли к Акинфию и встали с обеих сторон. Тот, повертев головой, поначалу даже не понял, что его вежливо выпроваживают. Ему до жути захотелось узнать в чем тут дело, и в меня уперся его вопросительный взгляд.

«Даже не проси, дружище! – Съехидничал я про себя, а вслух произнес более корректно, но не менее безапелляционно.

– Ты, Акинфий, дело свое сделал справно, волю великокняжескую донес. За то тебе честь и хвала, а теперь, уж извиняй, нам потолковать надо без чужих ушей.

В полной тишине посол одарил меня недовольным взглядом и, больше не перечая, двинулся к двери. Все молча проводили его глазами, но тишина продлилась недолго. Лишь

только сомкнулись тяжелые дубовые створки, как начался гвалт. Я едва успеваю засекаать, кто на чью сторону встал.

– Что нам с малого князя! – Закричал зло Острата. – Не он за нас стоять будет, а нам еще за ним сопли подтирать придется!

Его тут же срезал Якун.

– Ты на кого рот раззявил?! С Великим князем тягаться задумал!

В царящем гомоне нахожу только одного человека пытающегося сохранить нейтральную позицию.

– Малой, али старый! – Гундит Роман Радимич – Кака нам разница, ежели отец един!

Смотрю на эту орущую публику и мне вдруг приходит в голову мысль.

«А может приезд малолетнего князя – это не так уж и плохо?! Может, это сама судьба подталкивает меня к более решительным шагам. А что?! Александр далеко, ему от Твери только одно нужно – чтобы выход с города вовремя поступал. А Ярослав если приедет, так это его город будет, его вотчина. Он за нее радеть должен. – Тут я сам свой же энтузиазм и остужаю. – Он и бояре его в первую очередь за власть княжескую радеть будут и любого, в ком угрозу ей увидят, постараются убрать с дороги. А ты-то как раз угроза и есть! – Задумываюсь, и моя мысль вновь меняет направление на противоположное. – Я и для Александра угроза, просто он еще этого не понял, но скоро поймет, и тогда все ста-

нет куда сложнее. Если уж выбирать с кем меряться силами, то лучше с Ярославом, чем с Александром. С младшим еще неизвестно как пойдет, может и договоримся о мирном сосуществовании, а со старшим Ярославичем компромисса не найти, это уж точно. Недаром же его через год из Новгорода попрут. Идеально было бы вообще без князя, но, к сожалению, в нынешней ситуации это невозможно. Рюриковичи без борьбы город не уступят, а начинать распрю сейчас – это лить воду на мельницу всех врагов России».

Тяжело вздохнув, прихожу к однозначному решению, было бы лучше отложить вопрос с государственным устройством на годик-другой, но не во всем человек властен, и раз судьба говорит сейчас, то с ней не поспоришь.

Поднимаю руку, призывая почтенное собрание к тишине, и, выждав паузу, начинаю мягко и примирительно.

– Друзья мои, не стоит нам так горячиться. Вот вы сейчас спорите, кто сможет вас защитить, а кто нет, а я вам вот что скажу. Никто нас не спасет, ежели мы сами не сможем за себя постоять. Нужно самим быть такими сильными, чтобы и враги нас боялись, и князя слушали.

– И где же нам эту силушку-то взять? – Прерывая меня, смешливо фыркнул кто-то из доброхотов Якуна. – Может баб в лес послать пособирать, авось и наскребут туесок другой.

На это даже мои сторонники заулыбались, и я подумал, что подобное спускать нельзя. Выцепив взглядом любителя

позубоскалить, выдаю ему жестко, почти на грани фола.

– Ежели ты, Еремей, привык от беды за бабами прятаться, то можешь и сам с ними в лесок сбегать, да смелости там пошукать, а те, кто на поле под Ржевой против Литвы, стояли, знают откуда сила и решимость берется.

– Да, ты...! – Боярин было вскочил, но Лугота придержал его за рука.

– Погодь! – Глаза тысяцкого уперлись мне в лицо. – Ты что же, наместник, хочешь с Великим князем силой померяться?

Вижу, Лугота еще сдержался и не врезал мне всю правду матку. В его взлетевших бровях явно читается предупреждение:

«Ты в своем уме! Учти, в таком деле я тебе не подмога!»

Бояре все как один уставились на меня и, выдержав затяжную паузу, я снимаю повисшее в воздухе напряжение.

– Не о том ты, Лугота Истомич, подумал. Не о войне я говорю, а об устройстве государственном.

Напряжение на лицах бояр сменяется недоумением, но я не даю никому высказаться и продолжаю.

– У нас ведь как, каждый на свою сторону тянет. Тысяцкий токмо обороной города занимается, бояре о своих дворах больше пекутся, а князя лишь дружина интересуется, и весь налог, что с города собирается, он своей личной казной считает. Неправильно это! Князья меняются, а городу одни убытки. Надо самим своими доходами распоряжаться, а князю его долю оговоренную платить и не больше.

– Эка ты загнул наместник, – аж крякнул Острата, – а хозяин-то твой о сем ведает?! Что-то мне подсказывает, что Александру слова твои ох как не понравятся, ему такого бремя и в Новгороде хватает.

Награждаю боярина ироничной усмешкой.

– Ума палата прям у тебя, Острата Настожиц. Зришь точно в корень!

Краем глаза вижу, что Якун недовольно набычился и уже готов свои пять копеек вставить. Так и есть, слышу его скрипучий голос.

– Ежели, по-твоему, у нас все не так устроено, то кто же тоды в твоих мыслях должен городской казной да порядком распоряжаться?

Тревога Якуна мне понятна, в нынешнем состоянии дел его все устраивает, разве что за исключением меня. Он здесь в городе глубинное государство, можно сказать. Лугота как бы номинальная исполнительная власть, но реально без одобрения думы ничего сделать не может. А в думе кто хороводит?! Правильно, Якун! Он в ней, говоря современным языком, бессменный председатель, и случись чего, он всегда не причем. Во всем виноват тысяцкий, а Якун всегда в стороне и в прибыли. Такой человек для меня пострашнее обоих князей вместе взятых, поэтому я начинаю аккуратненько так.

– Спрашиваешь, кто! – Смотрю ему прямо в глаза. – Так выборные обществом люди должны распоряжаться, разве

нет?!

Поднаторевший в интригах боярин пронзает меня взглядом, и я ловлю в нем заинтересованность. То, что при должном подходе народ выберет его, он не сомневается, и для меня это хорошо. Ничто так не помогает, как излишняя самоуверенность противника.

– Соберем городское вече, – продолжаю я свою мысль, – и оно выберет правителя типа Новгородского посадника, только не на год, а скажем на четыре, да и название лучше другое подобрать, чтобы выделялась Тверь среди городов русских. Я бы, к примеру, назвал его консулом, как в Великом Риме было когда-то.

Обвожу бояр взглядом и вижу, что моя речь никого особо не заинтересовала, кроме, пожалуй, Якуна и Луготы. Эти сразу увидели в моем предложении возможность усиления своей власти.

«Ничего, ничего, – успокаиваю я себя, – все так и должно быть, никто кроме этих двоих себя в роли консула не видит, поэтому надо и им пряников подбросить».

– Этот консул назначит людей управлять соответствующими приказами: казначейским там, посольским, военным и прочими. Дума их утвердит и будет следить, чтобы дела справно вели.

При этих словах притихшие было бояре оживились, заставив меня мысленно улыбнуться.

«Вот и засуетились! Как только выгоду для себя почували,

так сразу и интерес появился».

Перекрикивая гул всеобщего гомона, неожиданно подал голос Острата.

– Мысль дельная, но как с князем-то быть! Думается мне, отец юного Ярослава будет недоволен нашей самодеятельностью.

Все тут же притихли, устремив на меня вопросительные взгляды. Эта проблема для меня неожиданностью не стала, я уже прокрутил все в голове и начал говорить с полной уверенностью.

– У Ярослава сейчас и без нас забот выше крыши! Новый баскак из самого Каракорума к нему едет, война с Орденом назревает. Не до нас Великому князю Владимирскому! Ежели сына его младшего примем честь по чести, выход ему выделим достойный, в правах не обидим, то думаю, договоримся. В нынешних условиях ему легче на наши выкрутасы глаза прикрыть, чем еще одну свару начинать.

Сказал, а про себя подумал:

«Очень надеюсь, что Ярослав Всеволодович решит отложить разборку с нами на лучшие времена, ведь он-то не знает, что лучших времен у него уже не будет».

Отбрасываю ненужные сейчас мысли, а в ответ уже летят вопросы.

– А выход какой?! А заплатить-то сможем?! А запросят скока?!

Успокаивающе поднимаю руку.

– Суть в том, что хотим мы или нет, а платить все равно придется больше. – Обвожу взглядом все собрание. – Если кто не заметил, то напомним. С прошлого года у нас на шее, кроме Великого князя Владимирского, еще один нахлебник появился – монгольский хан Батый. Я здесь, в Твери, его баскак и только поэтому вы еще в полной мере не почувствовали тяжесть нового хозяйского сапога, но времена меняются. Едет новый смотритель на землю Русскую и платить все-таки придется, но, как известно, кто серебряный ручеек контролирует, к тем рукам денежка и прилипает. Поэтому за право самим собирать налоги и рассчитываться как с князьями, так и с монголами стоит побороться. Вот об этом я вам и толкую. Выберем консула, создадим свой городской устав и предъявим его князю по всем правилам. Мол не с бухты барахты, а земля так решила и все по закону. Ежели с малым князем договоримся, то и с отцом его порешаем, а уж дела с монголами я на себя возьму. Так мы хоть и заплатим то, что потребуют, но и сами с прибытком выйдем.

Совсем помрачневшие было лица бояр теперь засветились довольством и улыбками. Хороший ход у нас в народе оценить могут.

Не успел еще бодрый настрой набрать оборотов, как его вновь испортил Якун. Резко поднявшись, он ткнул в меня пальцем.

– А ты-то ради чего стараешься, не пойму?! Как князь сменится, так ты здесь больше не наместник, тебе места в

нашем собрании боле не будет. В думе тока лучшие люди могут заседать, боярских старинных родов, а тебя здесь терпят, лишь пока ты слуга княжий.

К такому наезду я, слава богу, подготовился.

Храня на губах насмешливую улыбку, достаю заранее приготовленный свиток. Разворачиваю его и протягиваю Якуну.

– На, почитай! Этой грамотой Великий князь Владимирский подтверждает мои вотчинные права на острог Заволжский и земли, что освоены мною по левому берегу Волги. Стало быть, я тепереча такой же Тверской боярин, как и ты Якун, а род мой постарше твоего будет, только корни его в другой стране и в другом городе пущены.

Смотрю на вытянувшуюся морду боярина и испытываю всплеск праведного удовлетворения.

«Что съел! Никуда я отсюда не уеду и не мечтай! Мы с тобой не только в этой думе будем рядом сидеть, но еще и за место консула поборемся! Я тебе обещаю!»

Глава 2

Войдя в спальню, без сил падаю на кровать и в блаженстве вытягиваю ноги. Устал как собака! С того дня, как боярская дума приняла решение о новом порядке управления городом и избрании консула, прошла неделя. Общегородское вече назначено на завтра. Народ Твери будет избирать правителя города на четыре года.

Я эту неделю провел не без пользы и могу собой гордиться. Ноги и язык я стирал не зря.

«Якун, ты глупец! – Расплываюсь в самодовольной, счастливой улыбке. – С кем ты вздумал тягаться!»

Мое удовлетворение собой можно понять. Несмотря на то, что реформу пришлось проводить раньше времени, пока все шло хорошо. Предварительная работа, что была проведена за полтора года, давала свои плоды. Разделение и организация города по военному образцу сработала даже лучше, чем я ожидал. Избранные десятники и старосты городских концов замыкались на Калиду, как стратега обороны. Они его уважали, доверяли, а неоднократно проведенные учения научили и подчиняться. Так что даже если кое-кто и не был уверен в моей кандидатуре, то слово Калиды ложилось тяжелой гирей на чашу весов. А самое главное, я уговорил Луготу не выставлять свою кандидатуру и голосовать за меня. Он человек разумный и свою выгоду знает, да и безопасность

города для него выше собственных амбиций, тем более что ему был твердо обещан пост «военного министра в будущем правительстве».

Вновь иронично усмехаюсь.

«А куда ему деваться, он ведь все вложил в наше товарищество. Все деньги в производстве, и я единственная надежда, не просто получить их обратно, а с большой прибылью. Надежда не только тысяцкого, но и всех остальных пайщиков, а это не менее трети лучших людей города, чье слово весит немало».

Удовлетворение собой перевешивает усталость, и в голове пролетают сцены сегодняшнего разговора со старостами концов.

«Горлодеры они еще те, но меня этим не возьмешь, за мной опыт районной средней школы. – Довольно прикрываю глаза. – Половина из них теперь точно за меня, а вместе с людьми тысяцкого Луготы, завтра за Ивана Фрязина проголосует подавляющее большинство. Если, конечно, не произойдет ничего непредвиденного».

Словно в ответ на мою последнюю мысль за дверью слышались торопливые шаги, заставившие меня невольно напрячься. Настороженно прислушиваюсь – кого это черт несет! Приподнимаюсь, и рука автоматически ложится на рукоять ножа. Охрана охраной, а я в этом времени постоянно на взводе.

Нервы натягиваются струной, и повернув голову к двери,

я жду. Без стука распахивается дубовая створка, и в комнату заглядывает Калида.

– Войду? – Он хоть и с опозданием, но все-таки спросил разрешения.

Молча кивнув, я с облегчением выдыхаю, но по мрачному выражению лица моего первого помощника понимаю – рано расслабился.

Бросив последний взгляд в коридор, Калида затворил за собой дверь и повернулся ко мне.

– Уходить надо, беда!

«Вот те раз! – Мелькнуло у меня в голове, напомнив о той роковой ночи в Рязани, почти полтора года назад. – Что за напасть! Шутка что ли?!»

Зная, что Калида шутить не умеет в принципе, вскакиваю на ноги.

– Что случилось?! – Спрашиваю почему-то шепотом и получаю такой же тихий ответ.

– Якун людей поднимает. – Взгляд моего ближайшего помощника блеснул сталью. – Думаю, он понял, что завтра народ его не выберет и хочет решить вопрос по-другому.

Знаю, Калида просто так болтать не будет, но все равно бросаю на него недоверчивый взгляд.

– С чего ты взял?

Подойдя к узкому оконцу, Калида прислушался к ночной тишине и, не услышав ничего подозрительного, бросил на меня прищуренный взгляд.

– На всякий случай я человечка одного пристроил в терем боярина и как в воду глядел. Сегодня вечером у Якуна была встреча с послем великокняжеским, а после боярин начал людей своих тайно собирать. Мой человек мне весточку послал, а сам там остался следить. Пишет, все оружные и в кольчугах. В основном из детей боярских. Их уже там с полсотни набралось. Все в доме и по амбарах у Якуна сидят, ждут сигнала.

Быстро прикидываю в уме.

«У меня здесь лишь десяток стрелков, остальные все на том берегу, в лагере. Если послать за ними, то пока туда, пока обратно, разве что к утру успеют. Меня к тому времени уже прирежут. – Мысли крутятся в голове калейдоскопом, но все-равно успеваю обругать себя придурком. – Что расслабился?! Подумал никто не решиться, все будут играть по правилам! Как бы не так!»

Вскидываю взгляд на Калиду.

– Что думаешь делать?

Тот мрачно хмурится.

– Я собрал всех наших внизу и гонца отправил к Куранбасе за Волгу. Будем пробиваться к берегу, там у меня в укромном местечке лодка припрятана. Отправим тебя на тот берег, а завтра вернешься с бойцами и наведешь тут порядок. – Он подтолкнул меня к двери. – Спешить надо, пока улицы не перекрыли.

Я уже на ногах. На автомате хлопаю рукой по поясу – нож

на месте. Взгляд на стену, там висит подарок Куранбасы – наш первый тяжелый арбалет и колчан со стрелами.

«Вот уж не думал, что когда-нибудь воспользуюсь подарком!» – Снимаю арбалет с крюка и закидываю колчан за спину.

Калида уже открыл дверь и, прослушав темноту коридора, шагнул вперед. Я за ним. Свет лампы едва разгоняет черноту, играя на стенах нашими тенями. Лестница. Ступени. Тишину нарушает лишь шорох шагов, и тут я вдруг останавливаюсь, пораженный очевидной истиной.

«Нет, бежать нельзя! Кто оставил поле боя, тот проиграл, а проигрывать сейчас мне никак нельзя!»

Калида поворачивает встревоженное лицо.

– Ты чего?

Не отвечая, задаю ему встречный вопрос.

– А ты к тысяцкому гонца посылал?

Из полумрака отрицательное качание головой.

– Нет! Риск слишком велик. Если он заодно с заговорщиками, то беда. Узнают, что нам все известно и поторопятся мышеловку захлопнуть, а так может прорвемся.

Я все еще в раздумье, риск безусловно есть, но мне не верится, что Лугота пошел на сговор с Якуном.

«Зачем ему это?! Что Якун мог ему пообещать?! Да ничего, а вот в случае моей смерти Лугота многое теряет».

Вновь иду за широкой спиной Калиды. В тереме полнейшая тишина. С главного зала сворачиваем к боковой горни-

це, там из дверной щели пробивается свет.

В комнате пятеро стрелков, стоят молча, и лишь тревожные взгляды говорят о напряжении.

– Остальные пятеро в дозоре. – Калида ответил на мой невысказанный вопрос и, словно бы ища моего последнего одобрения, произнес.

– Ну что, двинулись к реке?

Это его секундное сомнение подвигло меня, наконец, на окончательное решение.

– Нет! Бегать ни от кого больше не буду! Хватит! Пойдем к тысяцкому, ежели он не в деле, то вместе с ним отобьемся. Людей у него в достатке. А если он заодно с Якуном, то так тому и быть... Значит я ничего не понимаю в людях!

Посмотрев на меня, Калида неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Знаю, он не любит эмоциональных решений, но сейчас я ему благодарен, что он не спорит. Мне самому не просто решиться на такое и уговаривать кого-то, боюсь, просто не хватит сил.

Тишина в горнице стоит жуткая, и я тороплюсь заполнить ее словами.

– Думаю, за домом следят, поэтому стрелков оставим здесь. Пусть ведут себя как обычно и отвлекают внимание, а мы с тобой, – бросаю выразительный взгляд на Калиду, – пройдем тайно через черный ход и по-тихому доберемся до дома тысяцкого.

Вновь впереди спина Калиды, я иду за ним вплотную и стараюсь, как могу, не шуметь. Из терема вышли с задней двери, прошли через сад к потайной калитке. Калида прослушал ночную черноту и, не найдя ничего подозрительного, повел меня по темной улице. Напрямик не пошли, двинулись в обход через гончарный конец и вроде бы пока все тихо. Вот еще переулочек и дальше на краю улицы уже дом Луготы.

Успеваю подумать, кажись пронесло, и словно сглазил. В конце переулочка из темноты отделились три тени. Лунный свет четко вычертил рослые фигуры, блеснув на кольцах кольчуг.

Дергаю головой назад и без удивления нахожу там еще пятерых.

«Засада! – мысленно крою самого себя за самонадеянность. – Якун просчитал мое решение, на случай если его замысел вскроется! Они не пасли меня у княжего терема, а караулили здесь. Вот же дерьмо!»

Твердая рука Калиды отодвинула меня к забору, а сам он вышел вперед. Хищно блеснуло лезвие меча.

– Моя вина, недоглядел! – Он оскалился, готовясь к схватке, и, не оборачиваясь, бросил в мою сторону. – Я придержу их, а ты попробуй через тын перемахнуть.

Даже не глядя в сторону забора, я рычу ему в ответ.

– Подожди хоронить нас! Поживем еще! – Прицелившись в ближайший силуэт, спускаю собачку арбалета.

Звякнула тетива, ширкнул уходящий арбалетный болт и

буквально смел набегающего врага с ног.

Его товарищи притормозили, но с другой стороны уже подходят еще пятеро, и их старший шипит как змея.

– Чего встали! Не дайте ему по новой самострел взвести!

Парочка рванулась в атаку. Удар слева и следом еще один с другой стороны. Размашисто, с силой, но Калида уверенно отбил один, второй, и сделал свой выпад. Его клинок чиркнул по вражеской кольчуге, остужая пыл нападающих. Оба бойца отскочили и затоптались, не торопясь подставляться по новой.

Калида, сплюнув под ноги, зыркнул в их сторону.

– А я же вас знаю! Вы не местные! Владимирцы, из охраны боярина!

– Смотри глазастый какой! – Один из них криво усмехнулся. – Тока вряд ли тебе это поможет.

Не давая нам выскользнуть, они дождались подхода остальной пятерки. Их старший, человек явно опытный, не стал бросать на нас всех скопом, дабы не мешались друг другу, а выделив две тройки, послал вперед первую.

Ложный замах с желанием выманить нас на ответ, и тут же удар с другой стороны. Калида к такому готов. Его клинок, сымитировав ответ, первому прошелся по дуге и, набрав инерции, отбросил меч второго, и тут же встретил прямой удар еще одного.

Калида орудует тяжелым мечом, как какой-нибудь ниндзя бамбуковой палкой. Он крутится, не переставая, принимая

на себя сыпящиеся удары. Я у него за спиной пока что в роли статиста и даже взвести арбалет не могу. Невозможно выкроить ни секунды, противник заставляет постоянно двигаться, а зазеваешься, живо огребешь железякой по башке. Нервно сжимаю в ладони нож, но сомнительно, что мне позволят им до кого-нибудь дотянуться.

Первую тройку сменила вторая. Чувствую, Калида начал уставать. Ему нужна хотя бы пара мгновений передышки, но никто ему их не даст. Движения Калиды уже не так быстры, и вот он момент, неизбежность которого была predetermined. Удар слева отбит, но меч Калиды задран слишком высоко, и противник рванулся вперед. Он уже в мертвой зоне и оскаленная бородатая морда летит прямо на меня. Рубящий косой удар чужого клинка, и я на автомате «ломаюсь» в коленях. Железо проносится над головой, а я уже встречаю бородатую башку хлестким хуком в челюсть.

Если бы не бешеный накал, то меня можно было бы поздравить с хорошим ударом. Мастерство не пропьешь! Противник валится кулем на землю, но за ним еще один. Он спотыкается о товарища, и патлатая голова врезается мне в живот.

Лечу куда-то назад, но рефлекторно не даю противнику разогнуться и в первую очередь блокирую его руку с мечом. Мы оба со страшным грохотом впечатываемся в забор. Трещат за спиной ломающиеся колья, и не выпуская рвущуюся в моих руках тушу, я валюсь в темноту. Тащу за собой упи-

рающегося врага, и мы оба, вместе с обломками забора, летим наземь.

Бух! С глухим звуком приземляюсь на что-то мягкое, и тяжелая туша сверху вдавликает меня еще глубже. Противник сопит, пытаюсь вырваться из моего захвата, и тут я чувствую, что нож все-еще зажат в моем кулаке.

«Мать перемать! – Первое, что вспыхивает в моем мозгу, и только потом нечто осмысленное. – В таком положении сильно не ударить, а вражина в кольчуге!»

Понимаю, чтобы хорошенько вложиться надо противника отпустить, но делать этого жутко не хочется. Если с одного удара, я не найду брешь в его броне, то сделать второй он мне уже не позволит. Вторым будет удар его меча.

Отпускать страшно, но и держать больше уже нет сил.

«Лучше рискнуть самому, чем пускать все на самотек!» – Решаю в одночасье и ослабляю хватку.

Мужик, почувствовав слабинку в моих объятиях, напрягся и рванул что есть силы. Я уже не держу, и не встречая сопротивления, тело врага распрямляется прямо надо мной. Лишняя инерция не дает ему сразу собраться, даря мне спасительное мгновение.

Блеск кольчуги, чернильное пятно бороды, и чуть выше и правее крохотное светлое пятно голой шеи.

«Есть!» – Восторженно ревет мое подсознание, и выбрасывая вверх руку, я бью в эту сжавшуюся до медного пяточка точку.

Прямо в лицо брызжет кровь, из потерявшей силу руки выпадает меч, и тяжелое тело, хрипя, валится набок. Сталкиваю его с себя, торопясь подняться. Одновременно тянусь к мечу, но чья-то нога в сапоге меня опережает. Она жестко вдавливают гладкое лезвие в черную землю грядки.

Поднимаю взгляд и вижу нацеленное прямо мне в грудь острие копья.

«Неужто все, отбежался!» – Успевают промелькнуть испуганная мысль, как ее накрывает звучащий из темноты голос.

– Ты кто такой?!

Пытаюсь поднять голову, но из темноты тут же прилетает угроза.

– Не дергайся! Приколю, не задумываясь!

Голос звучит до боли знакомым, и, напрягая память, я удивленно выдаю.

– Ты что ли, Истома?!

В ответ слышу не меньшее удивление.

– Наместник?! Какого рожна ты на моем огороде...

Поднимаясь, подхватываю на ходу меч и не сдерживаю иронию.

– Да вот, улицу не поделили! – Смотрю прямо в глаза старосте гончарного конца и уже жестко добавляю. – Сам-то что не догоняешь?!

В этот момент в голове проносится отчаянная мысль.

«Истома! Я же его высмеял перед всеми и оштрафовал еще! Наверняка он на меня зуб точит!»

Во взгляде старосты и правда теплоты ни на грош. Он мрачно смотрит на мертвого человека, на свою развороченную грядку и вдруг по-настоящему огорошивает меня.

– Ежели так, то чего ты тогда стоишь-то, наместник! Командуй! Чаго делать-то?!

Мой взгляд переходит с Истома на троих крепких молодых парней за его спиной.

«Сыновья небось! – Успеваю подумать, а сознание уже оценивает их как бойцов. – У одного в руках щит и меч! Отлично! Еще двое с топорами! Похуже, но сойдет!»

За тыном все еще грохочут железом удары мечей и доносятся яростные крики.

«Калида!» – Набатом проносится в сознании страшная мысль, и я ору уже в голос.

– За мной! – С криком лезу в только что проделанную дыру, но Истома хватает меня за ворот.

– Куда?! Ворота же! – Не договаривая, он оборачивается к стоящим на крыльце женщинам. – Марфа, поднимайте соседей, а ты, Лукерья, мчись до тысяцкого!

Один из сыновей уже распахнул калитку, но благо разумно отошел в сторону пропуская меня вперед.

– За мной! – Ору во весь голос и выскакиваю в переулок. Вслед мне несется бабий вой.

– Вставайте люди добрые! Смотрите, чего детсяя! Убивают ироды!

Я уже на улице, чувствую за своей спиной старосту и его

семейство. Впереди Калида, и у меня как камень с души – живой! Еще один взгляд, уже более трезвый, и я вижу, что радоваться рано. Мой телохранитель ранен и не единожды, он еле стоит на ногах, а перед ним четверо и еще один сидит на земле с замотанной рукой.

У Калиды уже нет сил защищаться, еще один удар и все! Не думая, бросаюсь вперед и ору, захлебываясь яростью.

– Руби гадов!

Передо мной вырастает противник, а я ничего не вижу кроме размытого лица. Со всей силой обрушиваю меч на это лицо, но, к моему разочарованному отчаянию, клинок напарывается на встречный удар, а откуда-то сбоку уже в меня несется острие чужого смертоносного железа. Не успеваю даже испугаться, как его принимает на щит один из сыновей Истомы.

В этот миг очередной женский вопль разрывает ночь, и он словно ведро холодной воды останавливает нас всех.

Мы стоим пятеро против четверых. Калида обессилено прислонился к забору, он уже не в счет. В другое время стоящая напротив четверка, в кольчугах и с мечами, не задумываясь разбросала бы нас, но вокруг уже хлопают ставни, гремит железо, и ночь заполняют встревоженные голоса.

Я прям чувствую, что сейчас думают наши несостоявшиеся убийцы – еще есть время выполнить приказ, но вот уйти незамеченными тогда будет уже невозможно.

Прочувствовав это, говорю вслух то, что им подсказывает

их инстинкт самосохранения.

– Уходите! Вы еще можете скрыться, но через мгновение будет поздно. Уходите! Даю слово, мы преследовать вас не будем.

Стоящие напротив бойцы переглянулись и тот, кто явно был у них старшим, кивнул. Тогда они, не спуская с нас глаз, отошли и, подхватив своего раненого товарища, мгновенно скрылись в ближайшем проулке.

Вот теперь я по-настоящему выдохнул – кажись все! Отпустило напряжение, и вместо него накатила ватная слабость. Сегодня, как никогда, я был близок к смерти. Гоню прочь желание опуститься на землю и насладиться покоем. Не время! Шаркая ногами, иду к Калиде. У него серьезная рана плеча, и кровь струится ручьем.

Стаскиваю с себя рубаху и рву ее полосами. Тут же замазываю рану и найдя взглядом Истому, командую.

– Самого быстрого своего парня живо на тот берег. Пусть везет сюда Иргиль, а вы помогите мне. Надо его, – киваю на Калиду, – отнести ко мне, в княжий терем.

Мой неумный помощник пытается сопротивляться.

– Не сейчас! – Оперевшись на меня, он пробует подняться. – Сейчас надо поспешить и не дать Якуну уйти.

Я уже полностью успокоился и, все продумав, отрицательно качаю головой.

– А что мы ему предъявим? Три трупа! Один владимирский и два наших. К Якуну их никакими нитками не при-

шьешь, он враз отопрется, знать ничего не знаю. А ежели возьмем думного боярина без доказательств, то шум пойдет и многие от нас отвернутся. Хуже того, выборы могут сорваться, а выборы для нас сейчас важнее. – Сказав, я задорно подмигиваю Калиде. – Ниче, живы будем, поквитаемся! А нам впредь наука, умнее будем!

Глава 3

Лодка стремительно летит на причал. На самом носу Ванька Соболев. Его вздернутая вверх правая рука резко сжимается в кулак, а левая отрывисто машет.

– Табань!

Разносится над водой его крик, и весла с левого борта вспенивают воду в обратном гребке, а с правого поднимаются вертикально вверх. Лодка заваливается на левый борт и, гася лагом остаточную инерцию, мягко касается причальных свай.

За такое баловство взгреть бы его, ведь не дрова везет, а консула Твери, но победителей на Руси не судят, а за удаль не ругают. Поэтому я сижу молча и жду, пока лодчонка перестанет качаться на ею же созданной волне, а мои стрелки, сложив весла, привяжут ее к причалу.

Сойдя на берег, поворачиваюсь к подлетевшему Ваньке.

– Глади, доиграешься!

Тот молча счастливо лыбится мне в ответ, а я говорю, по-прежнему держа на лице суровую маску.

– До вечера свободны! Можете своих проведать, но чтоб до заката были на причале. В Тверь я сегодня вертаться буду.

– Есть до заката, господин наместник! – Радостно гаркает Ванька.

На «наместника» я демонстративно хмурю брови, и тот на

мгновение теряется, но тут же понимает, в чем напортал. —

— Извиняйте, господин консул, никак не привыкнем ишо!

Он продолжает счастливо лыбиться, а я, махнув на него рукой, разворачиваюсь и начинаю подъем к воротам острога.

«Да уж, железной руки Калиды не хватает. — Мысленно ворчу, шагая по накатанной дороге. — Совсем от рук отбились!»

Прошло уже две недели с той памятной ночи. Калида стараниями Иргиль пошел на поправку. Скоро снова вступит в строй, а пока дисциплина в моих взводах ощутимо страдает. Куранбаса, взявший на себя временное командование, в общем справляется, но половец есть половец, в его природе степной простор, свобода и хаос. Многих вещей он просто не в состоянии понять, и требовать от него слишком много не стоит.

«Я и не требую». — Улыбаюсь промелькнувшим мыслям и вспоминаю следующее после той ночи утро.

Центральная площадь Твери начала заполняться уже с самого утра. Якун долго не появлялся. Думаю, сначала он готовился к побегу, потом к обороне, а когда наконец, осознал, что ему ничего не предъявляют, все-таки пришел. Косясь на меня, он занял положенное ему место среди бояр. Вскоре появился епископ с двумя клириками, и обладающий громopodobным голосом ключник Роман Радимич объявил, что вольные люди Твери собрались в сей день, дабы избрать посадника города. Тут он покосился на меня и добавил.

– Называемого по-новому консулом. Сроком на четыре года, дабы он управлял всеми делами города в купе и согласии с боярской думой и народным вече.

Как и ожидалось, выкрикнули только два имени, мое да Якуна. Результат определяли простым подсчетом поднятых рук. За мою кандидатуру проголосовало на сто семьдесят пять рук больше, чем за Якуна, и на этом выборы закончились. Без долгих проволочек Роман Радимич объявил меня консулом Твери.

После этого я подошел к епископу под благословение, и это момент мог бы стать для меня неприятным, поскольку я полноценный атеист, а здесь считаюсь как бы католиком. Эта часть моей легенды давно уже перестала мне помогать и, даже более того, начала создавать лишние трудности. Я начал подумывать о том, как бы мне это исправить, и за пару недель до выборов «совершенно искренне» зашел к епископу посоветоваться. Совет он мне дал, я его принял и тем так обрадовал господина епископа, что тот с легкостью согласился отложить мой переход в православие на сразу же после выборов. Поэтому в тот день епископ осенил меня крестным знаменем и благословил на служение господу и городу Твери.

Затем пришла очередь бояр, и принимая поздравления, я специально остановился перед Якуном. С садистским наслаждением дождался от него положенных слов, и когда тот выдал из себя «поздравляю», я чуть нагнулся к его уху. Якун сжался, явно ожидая от меня угрозы, а я, вытянув мак-

симальную паузу, расплылся в издевательской усмешке.

– Я всегда на шаг впереди тебя, помни об этом!

То, как его перекосило, меня слегка утешило и притушило желание свернуть ему шею прямо там же, на крыльце княжеского дома.

В таком настроении, помню, я подошел к Луготе и, приняв поздравления, показал тому взглядом на посла Великого князя.

– Объясни кое-что нашему владимирскому гостю. Князя Ярослава мы примем, пусть так и передаст, но у самого боярина есть сутки, чтобы убраться из Твери. Не успеет, пусть пеняет на себя.

Тысяцкий, конечно, был уже в курсе ночных событий и, не задавая вопросов, просто кивнул.

– Сделаю, намест... – Не договорив, он покачал головой, но повторил. – Сделаю как просишь, консул!

Оставив воспоминания, поднимаю голову и вижу бегущего от открытых ворот старосту Ярему. Морда красная, торопится. Еще бы, хозяина не встретил, оплошал.

«Да куда ж ты так! – Смеюсь про себя. – Ноги сломаешь!»

Понимаю, моему управляющему сейчас не до начальства. Начало сентября, самая страда, он можно сказать спит на ходу. За эти полтора года население поселка увеличилось в пять раз, и избы новых поселенцев давно уже высыпали за стены острога. Теперь внутри стен жилых построек немного: мой терем, дом старосты Яремы и еще нескольких самых

доверенных моих людей. А остальное – это достроенная в этом году деревянная церковь, казарма, конюшня да амбары. Добро надо беречь! Люди по тревоге сами прибегут прятаться, а вот товар сам не сможет. Его можно и не успеть спасти.

Так мне объяснял свою позицию Ярема, когда с весны начал выселять всех из острога. По меркам двадцать первого века с его лицемерным гуманизмом, логика выглядит людоедской, мол добро жалеешь, а людей нет. Может и так, но я спорить не стал. В этом времени логика другая. Здесь каждый существует на грани выживания, будет урожай – будем жить, а погибнет, так хоть подыхай. Так что тут мышление коллективное, и по-своему староста прав. При внезапном нападении может кто и не успеет в крепости спрятаться и погибнет по случайности, но это единицы, а вот ежели останемся без хлеба, то все сгинем с голодухи.

Подбежав и еле переводя дух, Ярема склонился в поклоне.

– Будь здрав, господин намест... – Сбившись, он тут же поправился. – Консуль!

Не правлю и не придираюсь. Новое инородное слово дается народу нелегко, но ничего привыкнут когда-нибудь.

Тоже приветствую старосту и, дав ему немного отдышаться, хлопаю по плечу.

– Ну давай показывай, чего успели спроворить.

Староста тут же поворачивается и ведет меня в обход острога к Тверце, на ходу оборачиваясь и поясняя.

– Я сказал, чтобы смолокурение подальше от жилья тво-

рили.

Мысленно соглашаюсь и молча киваю. Проходим еще с километр и начинаем спускаться к реке, где стоит несколько сараев. Здесь у меня разросся заводик по производству спирта.

С того самого дня, как мы одолели литовцев у Ржева, меня не оставляла мысль, что мне тогда сильно повезло. Эффект неожиданности, плюс жаркая безветренная погода, плюс сухая трава... А если нет?! Спирт слишком ненадежен и может меня сильно подвести в самый неподходящий момент. К тому же производство его обходится в копейчку. Над этой проблемой я изрядно поломал голову, пока не увидел очевидное. Вспомнил про один из самых известных русских промыслов этого времени и, как идиот, вскричал эврика.

Смолокурение, как я мог прошляпить то, что буквально было перед глазами. Ведь таким методом можно получить целых два горючих материала, скипидар и древесный спирт, и не из дорогущего зерна и меда, а из простого дерева, коего у меня пруд пруди. А кроме скипидара и спирта, это ведь еще и смола, деготь, канифоль!

Обругав себе нещадно за глупость, я тут же принялся за дело. Моих школьных знаний химии вполне хватило, чтобы набросать схему простейшего аппарата для сухой перегонки дерева. С небольшими изменениями для получения скипидара и смолы из хвойного леса, а для дегтя и спирта из листовенного.

Это было чуть меньше месяца назад, тогда у меня попросту не было времени заниматься этим самому, и я вызвал к себе Фрола да старосту Ярему. Первому я растолковал задачу, а второму попросту сказал – обеспечить.

И вот вчера пришла весть от Яремы, что все готово, можно принимать. Что тут скажешь, богата Русская земля талантами и повезло мне, что есть рядом со мною люди, способные творить чудеса в нынешних условиях.

Поднимаю голову и нахожу взглядом Фрола в компании кузнеца Волыны и плотника Ясыра.

«А вот кстати и они!» – Усмехнувшись про себя, сворачиваю в их сторону.

Мужики стоят возле большой печи и что-то обсуждают с таким жаром, что не замечают нашего прихода.

Яреме такой непорядок не по нутру, и он тут же разруливает его по-своему.

– Вы что, сучьи дети, совсем ошалели! – Орет он на вздрогнувших от неожиданности мужиков. – А ну шапки долой! Не видите кто перед вами!

Бросаю на старосту укоризненный взгляд, но вслух не вмешиваюсь. Ярема орет, не потому что хочет выслужиться передо мной, а потому что так он понимает мир и порядок. Он считает, что ежели есть закон, то его надо исполнять в любых ситуациях и никаких поблажек в этом деле быть не должно. Должен чего сделать, так изволь выполнить на совесть, а коли нет, то ты, как минимум, лентяй и дурень, а

как максимум, бунтарь и мятежник. В обоих случаях тебя надо пороть, чтобы в ум-разум ввести. Он себя не щадит и другим спуску не дает, и потому он лучший в мире староста. Его бояться и уважают одновременно, а для меня такой человек дороже золота, ибо сам я все-таки продукт своего времени – мягковат. Всегда ищу объяснения и стараюсь войти в положение, а здесь такого не прощают и расценивают как слабость.

Мастера склоняются в поклоне, и только после этого я машу рукой.

– Все. Хватит спины гнуть, давайте о деле.

Фрол, самый шустрый из всех, тут же ведет меня к печи.

– Ты, господин, посмотри. Все сделали по уму, как ты велел. Волына котел отлил, печь сложили, я змеевик сделал. Ясыр вот бочку соорудил, и воду проточную для охлаждения пустили. – Размахивая руками, он показывает мне свое детище. – А здесь вот чан для сбора продукта.

Обвожу взглядом сооружение и удовлетворенно киваю, а Фрол триндит, не переставая.

– Тута варим разделанные старые сосновые пни, а вон в той. – Он машет на еще одну такую же печь. – В той перегоняем собранную живицу и ту смолу, что с пней нажжем.

Тут же он тянет меня к третьей печи.

– А здесь с березы и осины гоним деготь и опять же немного скипидара, а жижу вот по твоему рисунку делим.

Я осмотром доволен, несмотря на то что потратили из-

рядно дефицитного железа на целых три котла с тяжелыми подогнанными крышками. Зато все это позволит вести безостановочное производство и получать скипидар, деготь, ка-нифоль и древесный спирт.

Про это как раз и говорит мне сейчас Фрол, показывая мне простейшую установка для разделения полученной в результате перегонки березовых дров жидкости на уксусную кислоту и метиловый спирт.

Осмотром я доволен, о чем тут же и заявляю настороженно смотрящим на меня мастерам.

– Молодцы! – Поворачиваюсь к Яреме и предлагаю сделать ему то же самое. – Ведь молодцы же?!

Староста мало что понимает во всех этих печах и баках, но мне он доверяет безгранично, а раз хозяин доволен, то и ему след. Не меняя своего сурового выражения, он басит в их сторону.

– Молодцы, постарались! Вишь хозяин доволен, и вам с того прибыль!

Все, кроме старосты и Волены, расплываются в улыбках. Эти двое тоже довольны, просто натура у них такая, да и жизнь улыбаться разучила.

Больше всего в этом меня радует получение скипидара и метилового спирта. В моем замысле смесь этих двух продуктов должна полностью заменить тот высокосортный самогон, что я использовал ранее. Это в свою очередь сильно удешевит процесс, а значит, можно будет значительно увеличить

объемы, ну а самое главное, такая смесь значительно усилит взрывную и горючую составляющую моих метательных снарядов.

«Такая смесь – это уже настоящий коктейль Молотова!» – Мысленно потираю руки и поворачиваюсь к Фролу.

– Хорошо, давай показывай, что получилось.

Тот вытаскивает две керамические посуды с подогнанными крышками. Открываю одну, и в нос ударяет характерный еловый запах скипидара. Со второй отчетливо тянет спиртом.

Вроде бы, то что надо. На всякий случай выплескиваю на землю немного желтоватой маслянистой жидкости и чиркаю зажигалкой. Лужица у ног вспыхивает мгновенно, поднимая к небу струйку черного едкого дыма.

– Неплохо! – Задумчиво замечаю самому себе и, повернувшись к Фролу, добавляю. – Смешай скипидар со спиртом один к трем и отвези к Куранбасе, посмотрим, чего эта хрень стоит в деле.

Ворота острога распахнуты, но эта бесконтрольность обманчива. На мосту через ров стоят два алебардщика, а с бойниц башни подъездную дорогу контролирует пара стрелков.

Бойцы на мосту, завидя меня, вытягиваются во фронт, в этом Калида их вымуштровал на все сто. Обязательное приветствие старшего дисциплинирует на уровне подсознания.

Прохожу в ворота, а Ярема, не отставая, продолжает буб-

нить.

– Яровые почти собрали, урожай хороший. Свеклу, ту что вы отдельно сказали сажать, опять перебрали и лучшую отсеяли. Подсолнечник тож удался. Масла нажмем и поле еще удвоим. Лен...

Я слушаю в пол-уха, потому что знаю, со всем этим старости и сам справится. Меня сейчас больше волнует вопрос, ради которого, по большей части, я и приехал. Вчера Калида дал знать, что по тому делу, о каком я спрашивал, люди прибыли.

Калида пошел на поправку, спасибо Иргиль, но неугомонному не ложится. В прошлый раз, проведывая его, я обмолвился. Мол в одиночку Твери многого не вытянуть, а если и сдюжим, то времени потребуется ох как много, а оно-то у нас как раз и на исходе. Союзники нам нужны, и хорошо было бы с людьми из ближайших городов потолковать.

Все эти мои отвлеченные рассуждения Калида принял как указания к действию, благо голова то у него варит исправно, хоть и сил еще маловато. Не знаю уж какие силы он задействовал, но по его вчерашнему письму я понял, что приехали серьезные дяденьки, и приехали тайно, поэтому и в Тверь не пошли, ибо светиться не хотят.

Я догадываюсь, кто в такие сроки мог бы успеть приехать, но все-равно заинтригован. Прохожу через площадь мимо новой церкви, прямо к дому Калиды. Домушка у него так себе, при желании мог бы и побогаче себе терем справить.

Я только за и жалование ему положил приличное, только он его не берет и домик построил такой, что у многих моих крестьян лучше.

– На что мне, – отвечает он всякий раз на мои вопросы, – я тебе не за злато служу.

Спрашивать у него, ради какой-токой идеи он меня бережет, я пока не решаюсь. Если честно, то побаиваюсь, а что если он так высоко планку задерет, что мне не в жизнь до нее не дотянуться.

Хочет он не хочет, а деньги его никуда не деваются, я все записываю, так сказать, на депозит, может еще женится на старости лет, тогда и понадобятся.

Весь в своих мыслях подхожу к крыльцу и слышу, как Ярема уже начинает мне втирать про силосные ямы, про урожай репы и про сено, что в этом году заготовили с избытком.

– Так, – говорю ему, останавливаясь, – потом доскажешь, а сейчас мне надо к Калиде зайти, проведать, как он там.

Староста тут же затих и тоже остановился, переминая в руках свой треух. Глядя на него в этот момент, мне вдруг захотелось как-то подбодрить этого человека, сказать ему о том, как я его ценю, и какое важное дело он делает. Захотелось, но я ничего не сказал, и совсем не потому что я черствый человек и мне жалко теплых сердечных слов. Нет! Просто я знаю, не оценит Ярема таких высокопарных слов, а воспримет лишь как блажь господскую.

Поэтому добавляю лишь то, что сказал бы Ярема самому

себе, будь он на моем месте.

– По словам твоим все складно выходит, староста, но не думай, что мне одних слов будет достаточно. Все проверю и не дай бог ты чего утаил, или недоглядел... – Погрозив ему пальцем, разворачиваюсь и оставляю его у крыльца с застывшим на лице одобрительным выражением.

Глава 4

Поднимаюсь по ступенькам, а в дверях меня уже встречает Калида. Почтительно склонив голову, он шепчет мне на ходу.

– Прибыли ужо: боярин Федор Еремеич со Ржева, да Ванька Полоз, то бишь Иван Тимофеич со Старицы. В избе дожидаются.

Первого я помню. Могучий такой мужик, он вместе с нами против литовцев на Ржевском холме стоял, а второго нет, не видал.

«Ничего, сейчас глянем, что за птица!» – Захожу в горницу, и сидящие за столом гости дружно поднимаются, приветствуя меня.

– Будь здоров, консул!

– И вам здравствовать, бояре! – Чуть не прыскаю со смеха, когда слышу, как они натужно выговаривают только что заученное незнакомое слово.

«Да уж, будь здоров и консул вместе звучат потешно». – Иронизируя про себя, прохожу к столу и, присев, предлагаю всем последовать моему примеру.

– Присаживайтесь, отведайте, чем бог послал.

Гости уселись, и Ванька Полоз тут же потянулся рукой к чаше с квашенной капустой. Ухватив длинными пальцами щепоть, он бросил на меня прищуренный взгляд.

– Вижу, не бедствуете. – Его бесцветные глазки пробежались по богато уставленному столу.

В сравнении со своим богатырским сотоварищем старицкий боярин выглядел откровенной доходягой. Низкорослый, худющий, с вытянутым лошадиным лицом и бегающими глазами.

Пока он запихивал и с хрустом пережевывал капусту, я успел подумать, что будь я горожанином Старицы, я такому лицу вряд ли бы доверился.

«Впрочем, – тут же мысленно одергиваю себя, – это их дело, и не стоит судить о человеке по внешности».

Несколько минут мы просто молча едим. Я и сам, честно говоря, проголодался, так что с удовольствием воспользовался гостеприимством Калиды. Жареная курица с гречей и квашенная капуста пошли на ура.

Набив по-быстрому желудок, я, не торопясь, вытер руки и рот лежащим рядом рушником и только после этого поднял взгляд на гостей. Делаю все это нарочно неспешно, дабы ни в коем разе не учуяли моей заинтересованности.

Надеваю на лицо радушную улыбку и прощупываю их взглядом.

– Ну что, гости дорогие, как вам мой городок показался?

– Да уж, расстроился ты тут знатно, посадник. – Федор Еремеич расправил свои богатырские плечи. – Есть чему поучиться.

Его сотоварищ, не скрывая зависти, поддакнул.

– Дак коли деньжищи рекой текут, чаво не строить.

Делаю вид, что не заметил, как они переделали консула в привычного им посадника. Сразу осаживать гостей не хочется, но все же меняю тон и добавляю в голос жесткости.

– Ничего само по себе не приходит, Иван Тимофеич, но в одном ты прав. Богатство, оно как вода, его в решете не удержать. – Поднимаю над столом пятерню и демонстративно сжимаю ее в кулак. – Доход заработать не просто, а сохранить еще трудней! Тут без крепкой руки не обойтись.

Мои слова скорее озадачили гостей, чем что-то прояснили. Они переглянулись, и Полоз озвучил их сомнения.

– Не пойдем мы, посадник, к чему ты. Твой человек сказывал, что ты поговорить хочешь, вот нас общество и послало. Ты бы разъяснил нам, о чем толкуешь.

«Все вы понимаете! – Язвлю про себя. – Просто начинать сами не хотите, ждете предложений от меня, дабы торговаться вам сподручнее было».

Я к этой встрече подготовился и весь разговор заранее продумал, поэтому начинаю по плану с капельки лести.

– Все знают, что и во Ржеве, и в Старице народ живет умный да работающий. Да и место у городов этих наивыгоднейшее, ведь на хлебном пути стоят. С одних только пошлин могли бы жить припеваючи, коли бы хлебные караваны через них в Ливонию, да в Литву шли.

Гости мои молчат и реплик не подают. Теперь я вижу, что простоватый вид обоих обманчив. Оба они калачи тертые и

помогать мне не собираются. Храня на лицах полную бесстрастность, они терпеливо ждут, когда же я доберусь до сути.

«Тогда придется вам потерпеть». – Мысленно подначиваю их, а вслух продолжаю свою тему.

– Могли бы, но, к сожалению, силенок у них маловато, а вокруг звери матерые, только и ждут как бы накинуться да оторвать кусок пожирней.

Старицкий боярин мое иносказание понял и решился наконец ответить.

– Мы сами может и невелики, но сила за нами все ж стоит. За нас завсегда князья наши готовы вступится, а за ними уже и тень самого Великого князя Владимирского видится.

– Это да, – вроде бы соглашаюсь я, – вот только чего ваши князья стоят, мы нынешней весной видели, когда Товтивил у Ржевы стоял. Тогда Тверь пришла вам на помощь и города отстояла, вот только в другой раз такого может и не случиться.

Федор Еремеич порывается было возразить, но я останавливаю его.

– А Великий князь Ярослав что?! Он бы, конечно, пришел. Литве бы отомстил, непременно! Деревеньки бы их пожег и полон бы взял знатный, вот только вам с того радости было бы мало. Ведь кабы не Тверь, ваши города в развалинах уже стояли, земля была бы вытоптана, а люди бы ваши мерли, как мухи от голода. И ничего из потерь ваших вам бы

князя не вернули, может разве что послабление по налогу удалось бы у них выпросить, да и то вряд ли.

От нарисованной мною картины лица гостей помрачнели, и я спешу воспользоваться произведенным впечатлением.

– Я вам об этом не ради хвастовства говорю или что бы заслуги свои превознести. Нет, не об этом речь! Я говорю о том, что не все возможности в князей упираются. Для обороны и процветания могут быть и другие союзы. Союзы на таких условиях, где вам не придется ждать милости от господ высокомерных, а сами вы самостоятельно будете решать свою судьбу. Вот что я вам предлагаю! Полноправное товарищество, союз трех городов во всем, и в беде, и в процветании.

Бегающие глазки Полоза вдруг остановились и уставились на меня холодными ледяными огоньками.

– Говоришь ты красиво, посадник, а на деле как это будет выглядеть?

В этот раз Калида его все же поправил.

– Не посадник, а консул! – Он провел жестким взглядом по лицам бояр. – Пора уж запомнить.

Оба гостя соглашающе закивали, мол извиняйте хозяева, учтем. Даю им пару секунд прочувствовать свою вину и продолжаю.

– Никто за других за просто так воевать не будет! Это, надеюсь, вы понимаете? Поэтому я вам и предлагаю взаимовыгодный союз. Условия не обременительные. Для начала ва-

ши города присылают по шестьдесят человек в общесоюзное войско. Дают средства на их вооружение, обучение и кормление. Эти люди воюют под моим командованием, а в случае угрозы как Ржеву, так и Старице не только они, но и все Тверское войско приходит вам на помощь. Силу же моего воинства вы видели этой весной. Думаю, было убедительно.

Глаза Старицкого боярина немного потеплели, и в них блеснула торгашеская хитринка.

– Ежели наши люди будут воевать, то нам бы тож следовало решать, когда, с кем и где?

Такой разговор уже другое дело, и я позволяю себе улыбку.

– Разумно! Это можно обсудить. Могу предложить вам два места в Тверской боярской думе. Что скажите?

– Два из тридцати, не маловато?

Я не могу сдержать усмешку.

«Как на рынке ей богу!»

Меня раздражает начавшаяся торговля по мелочам, но я терпеливо изображаю понимание.

– Этот вопрос оставим открытым, сначала надо прийти к общему решению.

– Вот, вот! – Неожиданно подал голос притихший было Федор Еремеич. – Ты за себя Иван Тимофеич говори, а мне надоть с обществом посоветоваться. Да и князя Ярополка не худо было бы спросить.

«Оп ля, вот это номер!» – Чуть не вскрикиваю вслух и,

прерывая гостя, грозно хмурю брови.

– А вот это ты зря, Федор Еремеич! Ежели бы я искал союза с князьями вашими, то я бы с ними и договаривался. – Для убедительности повторяю. – С ними, а не с вами!

– Это как же?! – Они выпалили это оба почти синхронно и, смутившись, замялись. Пару секунд спустя продолжил все же Полоз.

– Без князей то как? Они ведь и осерчать могут.

Осуждающе покачав головой, я начинаю втолковывать им по новой.

– Тверь заключает оборонительно-торговый союз со Ржевой и Старицей. При чем тут князья? Их дело воевать с врагами города, вы им за то деньги платите, а с кем городу дружбу водить и с кем торговать, не их дело, то дело общества. Правильно?!

– Так-то оно так, – нервно начал мять бороду Ржевский боярин, – но у Ярополка норов горячий. Узнает, что кто-то за его спиной интриги плетет, не снесет. Суд у него скорый.

Вижу, гости мои побаиваются новых начинаний, и запускаю последний аргумент.

– Что ж, выбор у вас не богат. Можете, как и прежде позволять своим князьям вертеть вами как им заблагорассудится, да доить вас как коров на выпасе, а можете, как и мы власть княжескую ограничить, да управление городом в свои руки взять.

Хоть ничего из сказанного мы еще не сделали, а только

собираемся сделать, все равно мои слова задела гостей за живое. Вижу, и хочется им, и колетса, но сегодня все равно твердого решения с них не получить. На всякий случай для более успешного усвоения всего мною сказанного вбиваю решающий гвоздь.

– А ежели князья ваши мирно не захотят вопросы решать, то мы можем им руки-то враз укоротить.

Выхожу на крыльцо и утираю со лба пот. Разговор был тяжелым, и я просто взмок в душной избе. Полного согласия добиться не удалось, но принципиального понимания все же достигли.

«Ничего, не все сразу, – успокаиваю я себя, – главное, что лед тронулся. Эти двое уже точно на моей стороне, а там больше будет. Вернутся домой, потолкуют со своими, и ростки дадут всходы».

Вслед за мной на крыльцо вышел Калида. Поправив повязку на груди, он облокотился на перила.

– Не пойму, чего ты вцепился-то в них. Четыре взвода, не так уж и много! У нас такой приток народу, что после зимней ярмарки мы и сами с легкостью столько поднимем. – Он подумал и добавил. – А может и больше, ежели денег хватит. Желающих служить хоть отбавляй.

Посмотрев ему прямо в глаза и увидев, что он не шутит и действительно не понимает, объясняю:

– Ты пойми, тут дело не в количестве взводов, хотя и они

не лишние, тут дело в стратегии. Тверь – это всего лишь город. Один город из сотен в земле Русской. Пусть мы даже добьемся того, что он станет самым богатым и сильным, но все равно это всего лишь один город. А вот три города, пусть два из них так, почти деревни – это уже союз. А союз городов звучит совсем по-другому! Это образ, идея, к которой возможно захотят присоединиться другие города. Понимаешь?

Прищурившись, Калида хмыкнул в ответ.

– Высоко метишь, консул!

– А то! – Рассмеявшись, хлопаю его по плечу. – По-другому и возиться не стоит!

Калида без всякой улыбки утвердительно кивнул, словно бы он только что в очередной раз сверился – по одной дороге мы с ним идем или нет. Затем он выпрямился и взялся за ручку двери.

– Пойду прослежу, чтобы гости наши не заплутали.

Он скрылся за дверью, а я, взглянув на солнце, прикинул, что пора уже и на причал. Сбежав по ступенькам, сворачиваю за угол и с разгона чуть не сшибаю с ног Иргиль.

Пытаюсь не дать девушке упасть, и рука рефлекторно ложится ей на талию. Ладонь чувствует тепло ее тела, губы почти касаются лица, под тонкой тканью вздымается девичья грудь. Этот миг, как искра, вспыхивает влечением, и понимая неловкость момента, я резко отпускаю ее.

Иргиль насмешливо кривит губы.

– Неужто обжегся об меня, консул?

«Вот ведь язва!»

Мысленно восхищаюсь ее колким язычком и с удовольствием всматриваюсь в смеющееся лицо. Девушка бесспорно похорошела за это время. По меркам двадцать первого века она легко могла бы потягаться за звание мисс мира, но здесь такая красота поклонников не находит. Жесткое, словно вырезанное из металла лицо с острыми скулами и почти черными пронизывающими глазами скорее отпугивает, чем притягивает. Черные стриженные по-мужски волосы, узкие мальчишеские бедра и плоская, едва заметная грудь тоже не добавили бы ей воздыхателей, даже если бы все вокруг вдруг перестали считать ее ведьмой.

Мне же она нравилась всегда, даже когда напоминала старика-лесовика в своих меховых обмотках.

С трудом отрываю от нее взгляд и, пытаюсь сгладить неловкость, говорю первое что приходит на ум.

– Здравствуй, Иргиль, ты как здесь?!

– И тебе не хворать, консул. – Она по-прежнему не сводит с меня своих пронизывающих глаз. – Да вот, к товарищу твоему иду, повязки сменить. Сам ведь он не придет, ему видите ли недосуг ерундой-то заниматься.

Девушка ведет себя свободно и абсолютно уверенно, с какой-то даже ноткой насмешливого превосходства, а я, наоборот, чувствую непривычную для себя скованность.

Это меня немного злит, и пытаюсь перевернуть ситуация, я пробую пошутить.

– Среди бела дня на площади, у церкви! Не боишься в одиночку-то ходить?!

В ответ Иргиль нахмурила брови, показывая что шутка не удалась, и с вызовом усмехнулась.

– А чего мне бояться, ежели здесь каждая собака считает меня твоей полюбовницей. Кто ж посмеет тронуть хозяйскую игрушку!

Она произнесла это без всякого стеснения, горделиво вскинув голову и провоцируя меня. Это ей явно удалось, потому что мне вдруг захотелось тоже задеть ее.

В такие минуты я в карман за словом не лезу и подкалываю ее с легким смешком.

– Так может, люди не зря болтают?! Может, они в потайные помыслы твои заглядывают?

Лицо Иргиль вмиг становится серьезным, и на вскинутае мне навстречу лице появляется не женская решимость.

– А ты спроси! Спроси прямо, коли интересно, я от тебя желаний своих прятать не стану.

Где-то внутри меня завопил здравый рассудок:

«Ничего не спрашивай, просто вежливо улыбнись и уходи!»

Я и сам знаю, что не надо связываться с этой женщиной, уж слишком эта связь будет скандальной и отразится на моей репутации, но ничего не могу с собой поделать, я хочу ее. И дело вовсе не в недостатке секса, его-то у меня как раз хватает. Со стоящей сейчас напротив девушкой совсем другое.

Она заводит меня одним только своим видом. Пока не вижу ее, так вроде и ничего, а вот как взглянет на меня своими глазами, так во мне аж закипает все.

Здравые мысли проносятся в голове одна за другой, но я уже знаю, ничего не поможет, я уже шагнул в пропасть. Слышу свои слова будто со стороны.

– Так ты хочешь или нет?

И ее ответ вместе с протянутой открытой ладонью.

– Хочу!

В маленькое оконце брызнул солнечный свет, заставляя меня окончательно проснуться. Не поднимая головы, смотрю на обхватившую меня тоненькую девичью руку.

«Иргиль!» – Радостно вспыхивает в сознании, возвращая к бурным событиям минувшей ночи. Поворачиваю к ней голову и натываюсь на распахнутые черные глаза.

– Тебе пора! – Звучит ее голос. – Тебя уже ждут!

Приподнявшись, смотрю на нее сверху. Даже сейчас, с утра, с всклокоченными волосами она безумно хороша. Может даже еще красивее, чем обычно, потому что сейчас она впервые выглядит по-женски беззащитной.

Эта мысль вновь будит во мне желание, но в этот момент раздается осторожный стук в дверь. Так стучат, когда хотят привлечь внимание и боятся этого делать одновременно.

На губах Иргиль появляется улыбка.

– Я же говорила, тебя уже ждут.

Хочется спросить «откуда ты знала», но я останавливаю себя. Глупо спрашивать об этом ведьму.

Поднимаюсь и улыбаюсь ей в ответ.

– Ладно, не буду пытаться тебя, что там за наглец, а пойду открою.

Натягиваю рубаху и, подойдя к двери, откидываю щеколду. В открывшуюся щель вижу конопатый нос какого-то парня.

– Калида велел сказать. Приходи, дело срочное!

На это в голове вспыхивает только одна мысль:

«Все уже знают! Вот деревня!»

Пацан ответа не ждет. Спрыгнув с крыльца, он уже скрылся в кустах, а я все еще стою в дверях. Очарование ночи закончилось, и наступил обычный прозаический день. Что сказать сейчас Иргиль, и как нам быть дальше?! Это те вопросы, на которые не хочется отвечать, потому что на них нет простых ответов.

Возвращаюсь в комнату. Иргиль уже встала. На ней тонкая исподняя рубаха, сквозь которую просвечивает ее обнаженное тело. Она протягивает мне мою одежду.

– Одевайся и иди! Не говори ничего и о нас голову не ломай, все сбудется так, как того пожелает судьба.

Сейчас она уже не такая, какой была минуту назад, сейчас на ее чертах уже вновь застыла та жесткая маска человека, который всегда готов к самому худшему.

Беру одежду, молча одеваюсь, и уже в дверях оборачива-

юсь к ней.

– Я вернусь, как только смогу.

В ответ на ее губах появляется легкая усмешка, от которой мне ничуть не становится легче. Захлопываю дверь и, слетев с крыльца, направляюсь к воротам острога. Шагаю быстро, но свернув на соседнюю улицу, резко останавливаюсь.

Чуть впереди, прислонясь спиной к забору, стоит Калида.

С одного взгляда понятно – мог бы дойти сам, но предпочел послать мальчишку. Это такое у него проявление субординации, не захотел ставить меня в неловкое положение.

«Тоже мне дипломат!» – Беззлобно ворчу про себя и направляюсь к нему.

Тот как ни в чем ни бывало здоровается и тут же докладывает.

– Помнишь того дана, что Иргиль выходила? Ты еще его с Путяттой в Ревель отправил?

Вопрос праздный, конечно я помню, как в начале лета послал Эрика Хансена вместе с купцом Путяттой Заречным в Ревель, дабы товар наш там показали, да провентилировали общую обстановку. Какие настроения у датчан и все ли довольны заключенным год назад договором с тевтонами. В неизбежных будущих столкновениях с Орденом такой союзник, как король Дании, оказался бы не лишним.

Поскольку вряд ли Калида сомневается в моей памяти, я не отвечаю, а просто требую продолжения.

– Ну и...?!

Мрачный взгляд Калиды в ответ.

– Так вот вернулся он...

Короткая пауза, чуть не заставившая меня взорваться, и весьма выразительное продолжение.

– Один! Говорит, что Путятю, всех людей его и товар епископ Дерпта задержал. Всех наших в железа заковали, а дана отпустили. Думали, у них останется, а он вишь сбежал да к нам воротился.

Последние слова он уже договаривал на ходу, потому что я, не дожидаясь конца рассказа, развернулся и зашагал к причалу. Не отставая, Калида как ни в чем ни бывало продолжил.

– Лодка и стрелки ждут. Вчера я их отпустил, чего им зря дожидаться, коли ты все равно не придешь, а с рассветом все уже на причале.

Глава 5

В полном составе дума собралась лишь к обеду. За это время я успел опросить Эрика. По его словам, получалось, что причин для нападения не было. Они даже в Дерпт не заезжали. Караван остановили кнехты епископа и привели в город. Там предъявили, будто транзитная пошлина не уплачена, а когда Путята стал спорить, то на него с кулаками кинулись. Наши люди вступились, тогда досталось уже всем. Били без разбору, а когда натешились, то заковали в железо, да в подвал уволокли.

Мысли мои крутились вокруг двух вопросов. С какого перепуга епископ беспредельничает, и что с этим теперь делать?

«Путята Заречный, – размышлял я, – член созданного мной Тверского торгового товарищества, и стало быть, я за него несу ответственность. Сейчас и в Новгороде, и во Ржеве, а может и в Ревеле с интересом замерли, чем же Тверь ответит? Разговоров обо мне много ходит разных, и этот случай может стать той лакмусовой бумажкой для всех, кто еще сомневается присоединиться к союзу со мной или нет. Ежели с нашим товариществом можно подобное вытворять, то грош нам цена».

Сейчас бояре уже собрались, а я по-прежнему, словно зверь в клетке, меряю шагами горницу. Правильного реше-

ния до сих пор нет, а его надо обязательно найти, прежде чем выходить к совету.

«Зачем я послал их в датский Ревель? – Начинаю рассуждения по новой. – В поисках союзника, потому что не верю в искренность договоренностей между Датской короной и Орденом. Кто сейчас король в Дании? По-моему, Вальдемар II, и он же был королем, когда меченосцы оттяпали у Дании северную Эстляндию вместе с Ревелем. Пусть сейчас, по увещанию папы и ради создания Ливонского ордена, эти земли датчанам вернули, но все равно, до сих пор король Дании отдает Тевтонскому ордену треть от своих Эстляндских доходов, а это унижительно. По мне, так он должен относиться к своим нынешним тевтонским друзьям с большим подозрением, и эту версия я обязан был проверить».

Останавливаюсь и со злостью спрашиваю самого себя.

«Ну что, проверил? – И с не меньшей злостью отвечаю. – Проверил! Я был прав! Эрик говорит, что наместник Датской короны в Ревеле ярл Густав Харреманд после седьмой кружки эля брякнул, что с радостью бы подсыпал говнеца тевтонам, но... Понятно, побаивается, как бы ему самому не накидали».

Понимаю, что надо оставить эти ненужные сейчас рассуждения и сосредоточиться на главном. Что предпринять для освобождения моих людей? Тут важно понять, для чего господин епископ это сделал, и варианта всего два: либо жадность затуманила ему мозги, и он польстился на чужое

добро, либо ему не понравилась моя дипломатическая активность. Первое, маловероятно, ибо товара у Путяты было немного. Чуть железа, чуть сукна, в общем мелочь! Тогда второе, и это уже более серьезно. Через год они начнут войну за Псков, и епископ Герман, да и вся семейка Буксгевденов сыграет в нем не последнюю роль. Значит, хозяин Дерпта попросту щелкнул меня по носу, мол куда ты лезешь со свиным рылом, да в калашный ряд. И что дальше?! Не воевать же с ним из-за этого?!

«А почему нет! – Замираю осененный идеей. – Просто надо не упираться в страшное слово, а оперировать мерками нынешнего времени. Господин епископ что сделал? Если абстрагироваться от всего нематериального, то он нанес мне финансовый ущерб. То есть, если я отвечу ему тем же и на деле покажу, что размер потерь может быть таким, что епископату Дерпта реально придется с протянутой рукой пойти по миру, то он, теоретически, должен задуматься. Пусть размышляет, стоит ли оно того?! Может, проще будет договориться и вернуть этому русскому его людей и товары, чем терпеть громадные убытки...»

Чувствуя, что на верном пути, я вновь зашагал из угла в угол.

«И ведь для этого не надо идти войной и брать Дерпт штурмом! Нужно совсем другое!»

Обрадованно сжимаю кулаки и, выдохнув, выхожу в главную залу. Бояре уже сидят по лавкам. Видно, что собирались

в спешке, многие не успели нацепить на себя все положенные им по рангу цацки.

Прохожу и сажусь на председательское место. По ведению собрания с прошлых времен ничего не изменилось. Роман Радимич остался на своем посту, и сейчас, дав мне занять место в кресле, он торжественно провозгласил.

– Консул и боярская дума собрались. Кто желает слово молвить?

После слов ключника повисла глубокая тишина, никто высказываться не торопится. Наконец, с места выкрикнул Еремей Толстов.

– Нам ссориться с ливонцами не с руки. У них сила, не нашей чета! Путята сам виноват, какого рожна он туда поперся! Прибылей захотелось, вот пусть теперь сам и хлебает.

Этого боярина я помню, он из ближников Якуна. Бросаю на него оценивающий взгляд, а в голове уже прокручивается оценка.

«Скорее всего, он не свои мысли выдает, а просто озвучивает чужое решение. Якуну-то сейчас самому высываться не с руки, а напакостить мне видать очень хочется».

По наступившей вновь тишине и опущенным лицам вижу, что боярин огласил мнение не только Якуна, но и большинства думы.

В подтверждение этого поднялся Лугота и, ни на кого не глядя, произнес:

– Раз уж для Путяты и людей его мы сделать ничего не

можем, то предлагаю хотя бы семьям их собрать во вспоможение. Кто сколько может, а для жены Путяты, – тут он глянул на меня, – можно и с казны товарищества пенсией назначить.

«Молодцы! – В сердцах мысленно крою бояр. – Я тут голову сломал, как мужиков из беды выручить, а они, умники, уже все решили. От худой молвы откупимся, а эти пусть пропадают, сами виноваты! Молодцы, нет слов!»

Поднимаюсь и, глядя в глаза тысяцкому, начинаю говорить:

– Денег семьям мы, конечно, соберем, в беде не бросим, но людей наших из застенков мы этим не вытащим. Вы, бояре, в праве любое решение принять и можете во всех бедах Путятю винить, но я, как консул Твери, вот что вам скажу. Я своих людей в беде не бросаю! Виноваты, не виноваты, в этом мы потом разберемся, когда они уже здесь будут, в Твери и в безопасности. А сейчас в первую очередь я должен всех тверичей домой вернуть!

После моей речи бояре притихли, сидят как оплеванные, а во мне злое торжество разыграло.

«Так вам и надо, а то зажрались тут, жопу не хотят оторвать!»

Первым из почтеннейшего собрания пришел в себя Острата.

– Так мы ж разве против, токма как это сделать-то?! Ты, консул, ежели знаешь, так скажи обществу!

В пику ему тут же выкрикнул Еремей. Он встал и с трагическим лицом по театральному развел руки.

– Это что же, консул нас на войну с ливонцами подбивает?! – Он обвел взглядом лица сидящих бояр. – Да в своем ли он уме?! Не будет на то нашего одобрения!

Вижу, что почти все поддерживают Еремея, а на морде Якуна написано ехидное торжество.

«Рано радуешься! – Мгновение упиваюсь этой картиной, а потом заявляю твердо и уверенно.

– Ни на какую войну я народ Твери не подбиваю, а людей наших из плена все же верну. – Повышаю голос, чтобы до каждого сразу дошло. – Лишь своими силами, без вашей помощи и ополчения Тверского. Прошу лишь вашего разрешения на дело правое.

Тишина тут же взорвалась множеством голосов.

– Это как же!

– Беду он на нас накличет!

– Пущай идет, ежели сам-то, авось и получится!

Призывая к тишине, поднялся тысяцкий.

– Не расскажешь обществу, чего затеял? – Он уставился на меня вопросительным взглядом, но я в ответ лишь отшутился.

– Ежели расскажу, то и вы в ответе будете, оно вам надо?!

Лугота, как и все здесь, понимает, что я могу исполнить задуманное, никого не спрашивая, но разрешение все же прошу. Значит, хочу, чтобы все было по закону, без урона

боярской думе. А это проявление уважения и дорогого стоит.

Хмыкнув в усы, он обернулся к сидящим боярам.

– Думаю, надо уважить консула и дать ему возможность проявить себя во славу города.

Его тут же поддержал Острата.

– А что?! Пущай идет, бог ему в помощь!

Многие в думе покосились на Якуна, и тот неожиданно кивнул своим, мол соглашайтесь. Одобряющий гул тут же усилился, а по кривой усмешке Якуна, я догадался чем вызвана его внезапная поддержка. Конечно же надеждой, что тевтоны свернут мне шею, и я навсегда сгину где-нибудь в болотах Ливонии.

Взвод стрелков идет по лесной тропе, вытянувшись цепочкой. У каждого за спиной ранец, величиной с гору. Ранец вместо обычного мешка, да и вся экипировка – это мое слово, претворенное в жизнь.

Заправленная в штаны рубаха, короткие сапоги на толстой кожаной подошве, все из застиранного зеленого сукна с коричневыми и серыми пятнами. Арбалет в руках, на поясе широкий тесак, к ранцу сверху приторочен войлочный плащ, а с обоих бортов по колчану с арбалетными болтами. Сами ранцы забиты сухарями, вяленным мясом и гранатами. Вернее, пустыми керамическими и стеклянными шарами. Горючую смесь несут отдельно в медных канистрах.

Впереди, в шагах в пятистах, идет отделение разведки,

сзади арьергард. Я шагаю в голове основной группы, за плечами у меня такой же рюкзак, как и у всех. Поклажа тяжела, но я к походам привычный. С детства отец меня таскал, а в последнее время я уже сам, как глава краеведческого клуба, водил ребят по местам боев Великой Отечественной.

Единственный, кто сейчас идет налегке, так это сопящий мне в спину Калида. Ему я попросту запретил тащить хоть что-то тяжелое. Он после ранения, и у меня вообще была мысль оставить его в Заволжском, но он уперся как баран, пойду и все. Куранбаса тоже здесь. Идет замыкающим. Я знаю, он лес терпеть не может, поэтому его также брать не хотел, думал уважить, ан нет.

Вспомнилось, как я вызвал его перед самым выходом и говорю – будешь старшим в поселке, пока я отсутствую, а он мне в ответ.

– Не можно так! Ежели ты идешь, то и Куранбасе надо идти!

Сказал, как само собой разумеющееся, развернулся и пошел, не дожидаясь моей реакции. Я поначалу было осерчал даже, а потом плюнул. Может оно и к лучшему. Они с Калидой мои ангелы хранители, можно сказать, талисманы удачи. Пока они со мной, я твердо верю – со мной не случится ничего плохого!

«Вера, дело хорошее, – прерываю свои отвлеченные рассуждения, – а холодный рассудок прежде всего!»

Отрываюсь от лезущих в голову мыслей и прикидываю

весь пройденный маршрут.

До Ржевы, а следом и до Торопца шли по торной дороге. С Торопца на Дерпт двинулись уже через лес, обходя жилые места. С той развилки идем уже четвертый день и, следовательно если не заплутали, то должны уже быть где-то вблизи владений Дерптского епископства.

В том, что идем правильно, я практически уверен, и это не излишняя самоуверенность, а трезвая оценка. Во-первых, я держу в уме карту, и путь наш почти строго на северо-запад идет четко по высотам водораздела. Так что, это первый ориентир. Второй, как ключевые отметки, города Великие Луки и Псков. Они остались соответственно к западу и к северу. Дальше, вдоль западного берега Чудского озера, тут уж не потеряешься. Вот и получается, что Дерпт должен быть уже совсем рядом.

Идущий впереди меня стрелок притормозил и настороженно поднял вверх руку. Колонна замерла. Я ничего подозрительного не слышу, но не доверять такому парню, как Кузьма Птаха, у меня нет оснований. Он потомственный охотник, и у него, как у известного мультяшного персонажа, слух как у орла и нюх как у собаки.

Через пару мгновений уже и я слышу едва различимый шорох. Скорее всего, это гонец с дозора, но Калида все равно выходит вперед, заслоняя меня собой.

Еще миг напряженного ожидания, и на тропе появился наш стрелок. Обойдя Птаху, тот двинулся прямо ко мне. По-

приветствовав, он на миг замялся, словно вспоминая заученную фразу, а потом выдал.

– Впереди все чисто, а к востоку, ближе к озеру, охотничья заимка. Там люди есть.

Переглянувшись с Калидой, я сурово взглянул на гонца.

– Проверяли, кто там?

– Нет, взводный сказал сначала вам доложить.

«Молодец Ванька! – Я мысленно похвалил Соболя. – Не зря я ему разведку доверил».

Вновь перевожу взгляд на Калиду.

– Скорее всего, местные охотники из эстов, но оставлять их там нельзя. Этих эстов хрен разберешь, то они с тевтонами режутся насмерть, а то зад им лижут.

Калида кивнул, соглашаясь, и скомандовал по цепочке.

– Привал. Костров не разводите, сидеть тихо! Ерш ко мне!

Пока Ратиша Ерш пробирался к нам, я успеваю подумать, что сейчас в этом сводном отряде собраны лучшие из лучших, и те, кто дома стояли над целым взводом, здесь командуют лишь десятком.

Пока я размышлял, парень уже протиснулся к нам и Калида встретил его приказом.

– Бери свой десяток и за мной, поклажу всю здесь оставите, пойдем налегке.

Прежде чем двинуться, он повернулся ко мне.

– Вместе с десятком Соболя зажмем их так, что никто не уйдет, сколько бы их там не было.

Молча соглашаюсь с ним, но напоследок все же даю указание.

– Постарайтесь всех взять живыми, у меня тут идея появилась.

Что-то типа шалаша из еловых лап накрывает выкопанную в песке землянку. На натянутой между деревьями бечевке сушится выловленная рыба. Чуть дальше, за соснами, полоска пляжа и синева озера.

«Вот такая она, эстонская заимка!» – Ворчу себе под нос и подхожу к трем лежащим у сосны эстам. Руки у всех троих связаны за спиной, а в глазах застыл страх и ожидание.

Присаживаюсь на корточки у самого старого из них. Волосы седые, куцая борода, на вид так около пятидесяти. Двое других подростки, явно его дети. Не догадываясь, что я их понимаю, старший шепчет молодым.

– Будут бить, пытать, терпите и про хутор ни слова. Мы уже не жильцы, так хоть Матра, да сестры ваши выживут.

Поймав бегающий взгляд эста, чуть усмехаюсь.

– У меня другой план. Вы помогаете мне, я не трогаю ни вас, ни ваших женщин.

В глазах старика вспыхнул настоящий ужас, и думаю, до него даже не сразу дошел смысл услышанных слов, так его поразило мое знание языка.

Даю ему пару секунд, чтобы прийти в себя. На испещренном морщинами лице по-прежнему стоит страх, перемешан-

ный с удивлением, а хриплый голос звучит нервно и испуганно.

– Ты эст, что ли?!

В ответ отрицательно машу головой и продолжаю по-эстонски.

– Нет, но это сейчас неважно. Мое слово верное, можешь не сомневаться.

До пленника, наконец-то, дошло мое предложение, и в tone его вопроса зазвучала надежда.

– Чего ты от нас хочешь?

– Немного! – По-прежнему держу на губах радушную улыбку. – Проводник нужен – раз, письмо отнести епископу Герману – два, и слух кое-какой в Дерпте пустить – три. – Расплываюсь в улыбке еще шире. – Вот видишь, суший пустак.

Эстонец какое-то время молчит, а потом поднимает на меня взгляд.

– Я согласен. Письмо в Дерпт отнесу сам и на рынке растолкую, что скажешь, а дети мои проводят вас куда требуется. – В его глазах вспыхивает затаенное ожидание, перемешанное с хитринкой.

Смотрю на него в этот момент и диву даюсь.

«Ну как ребенок, ей богу! Неужели он думает, что я ему поверю на слово! У него же на лбу аршинными буквами написано – кинем этих дураков русских, как только развяжут».

Не спуская с него глаз, снимаю с лица добродушное вы-

ражение.

– Не глупи, придурок, детей своих пожалей!

Эст вздрагивает, как от удара, и шепчет быстро, почти про себя.

– Курат! Защити меня Уку-отец небесный от зла темного!

– Нет, – обрываю его причитания, – не защитит!

Бледно голубые глаза эста упираются мне в лицо, и впервые в них загорается решимость.

– Говори, чего надо сделать, все выполним!

Я вновь отрицательно качаю головой.

– Это уже лучше, но все-равно не то! Сделаем вот как! Вы отведете нас на свой хутор и там я тебе скажу, что надо будет сделать и куда нас проводить. Женщины ваши останутся в заложниках. Сделаете все как надо, никого не трону. Ни баб твоих, ни дом, ни скотину, и даже деньжат еще подкину, а ежели обманешь, то не взыщи, сожгу всех вместе с домом.

Мужик вновь вздрогнул, лицо его закаменело, но я не даю ему уйти в отказ.

– Мое слово твердое, можешь верить. Зовут меня Иван Фрязин, я консул города Твери. До тебя и твоей семьи мне дела нет, у меня свара с епископом Германом, и только с ним.

Эст все еще мнется, и я пускаю в ход самый суровый аргумент.

– Откажешься, будем пытаться. Ты может и выдержишь, а они? – Перевожу взгляд на перепуганные лица парней. – Они-то выдержат?!

Вижу, все, мужик сломался! Кто же своих детей сам на пытку пошлет. Он еще сомневается, и его взгляд мечется с меня на сыновей. Помогаю ему принять правильное решение.

– Верь мне! Мое слово нерушимо! Сделаете что прошу, останетесь и живы, и в прибытке.

Эти мои слова ломают упорство эста, и он шепчет пересохшими губами.

– Хорошо, все сделаю!

«Ну вот и отлично!» – С этой мыслью поднимаюсь и киваю Калиде.

– Одного развяжи. Сегодня будем ночевать под крышей.

Я столько времени потратил на этого эстонца не только для того, чтобы передать письмо епископу Герману. В будущей игре, если она затянется, то мне понадобится верный проводник, отлично ориентирующийся в местных лесах. И еще, ежели сам епископ Герман окажется уж очень несговорчивым, то потребуется надавить и на все семейство Буксгевденов.

Почесав затылок вспоминаю свой университетский реферат о войне Ливонского ордена за Псковское наследство.

«У нашего друга епископа Германа точно есть два брата. – Мысленно перелистываю страницы своего студенческого курсовика. – Первый, Альберт – епископ Риги, до него мне не дотянуться. А вот второй, кажется, Теодорих, будущий командующий Ливонским рыцарством. Этот где-то тут

обретается. – Напрягаю память, и она не подводит. – У него поместье недалеко от Дерпта, в окрестностях городка Оденпе. Называется оно еще как-то странно. Медвежья голова, кажется».

Немного подумав, вспоминаю еще одну подробность. Этот самый Теодорих женат на сестре князя Ярослава Владимировича Псковского.

Решаю, что эта часть мне уже ни к чему, а вот информация про поместье очень даже кстати. Отыскать, если понадобится, поместье Медвежья голова где-то под городком Оденпе для эстонца, знающего здешние места, думаю, проблем не составит.

Глава 6

Свет заходящего солнца еще пробивается сквозь кроны вековых сосен, освещая лица сидящих напротив меня парней. Расчистив ладонью песчаную землю, я рисую на ней извилистую линию.

– Это река Эмайыги. – Поднимаю взгляд и вижу, как, ломая язык, ребята пытаются повторить за мной. Чуть усмехнувшись, прекращаю их мучения. – Отставить! Название для нас не важно.

Далее рисую кружок на правом берегу.

– Здесь, на вершине холма, монастырь! – Черчу внутри первого еще один кружок поменьше. – Это цитадель, кремль по-нашему, и дом епископа.

Затем заштриховываю южный и западный склоны.

– Здесь городские посады, а еще южнее огороды и поля. Делаю еще пару штрихов со стороны реки. – А вот тут, с восточной стороны, монастырская стена выходит к самому берегу

Осмотрев свой план, втыкаю палку к северу от круга.

– Мы тут! – Обвожу взглядом сосредоточенные лица. – Сегодня ночью мы постараемся устроить нашим германским друзьям световое шоу.

Никто, конечно же, меня не понял, и я поясняю уже конкретно.

– Как стемнеет, ты, Ерш, со своим взводом проходишь вдоль реки и, в тихую поднявшись на холм, закидываешь за стену с пару десятков снарядов. Сделав все быстро, уходишь, как и пришел.

Перевожу взгляд дальше.

– Ты, Соболь, обходишь холм с другой стороны вот сюда, к воротам. – Рисую стрелку к южной стороне большого кружка. – Прячетесь между домами и держите ворота на прицеле. Как начнется пожар, из ворот появится стража. По возможности выцеливаете конных рыцарей, а нет, так и пешие кнехты сойдут. Отстрелявшись, тут же уходите! В бой не вступать, а если вам сядут на хвост, то вот здесь, – ставлю жирную точку на западном склоне, – вас прикроет взвод Птахи.

Бросаю взгляд на Кузьму.

– Тебе все ясно?

Тот кивает, а я добавляю.

– Как сделаете дело, сразу же возвращаетесь обратно, в исходную точку. Чтобы не заплутать в темноте Птаха возьмет с собой старика эста, а остальные сыновей. Они все леса вокруг города знают, как свои пять пальцев. К рассвету собираемся здесь, а дальше уже по обстоятельствам.

Диспозицию раздаю не с бухты барахты. Мы с Калидой сегодня провели разведку, посмотрели на город издали, с разных сторон. Высмотрели, что стена над речным обрывом низкая и крыши домов за ней впритык. Там пятикилограммовый снаряд даже руками легко можно перебросить через

стену. По другому краю, с севера и с запада, лес почти вплотную подходит к пригороду, и оттуда легче всего пройти к воротам незамеченными.

Отпустив парней отдохнуть до захода, сам я откинулся спиной к сосновому стволу и прикрыл глаза. Через полуприкрытые ресницы вижу, как рядом присел Калида. Посидев с минуту в тишине, он начал словно бы невзначай.

– И ты думаешь, что после такого наезда епископ струхнет и отдаст наших? – Он в сомнении покачал головой. – А ежели нет? Если он в ответ своих кнехтов на Тверь отправит?! Кабы беды не накликать!

Открыв глаза, внимательно смотрю на него и решаю не темнить.

– На все воля божья, но я думаю, струхнет! Не с первого раза, конечно, сначала попытается нас изловить, усилит охрану и прочее, а вот когда поймет, что все тщетно, вот тогда... – Делаю многозначительную паузу. – А на Тверь?! Пошто епископу Герману на Тверь ополчаться?! Тверь – малый городок за полтыщи верст отсюда, он о нем и слышать не слыхивал. Если все пройдет по плану и потерь у нас не будет, да в плен никто не загремит, то к утру они никакого врага в округе не отыщут. Кому претензии-то предъявлять?

Калиду не так просто сбить с толку, и он сразу же находит изъян в моей логике.

– А письмо?! Ты же сам письмо с требованием отправил епископу.

Усмехнувшись, я легко парирую его довод.

– Да, эст послание мое отнес и страже у ворот передал, и что...? В нем я ничего конкретного не писал, а лишь то, что земля будет гореть под ногами у того, кто посягнул на имущество и жизнь соседа своего, и пока грешник не исправится, не выпустит ни в чем не повинных людей, не будет ему покоя. Думаю, епископ его уже порвал и в печь бросил. С утра он о нем вспомнит и догадается от кого послание, но для начала войны бог знает с кем и черт знает где, этого мало-ва-то. Тем более, что будущей весной Буксгевдены планируют возглавить поход на Псков, хотят посадить там князем своего шурина Ярослава Владимировича. Значит, с зимы начнут собирать рыцарей. Для этого нужны деньги! Убытки и непредвиденные расходы им сейчас ох как не в жилу.

Прищуренный взгляд Калиды зыркнул в мою сторону.

– Про Псков-то придумал али истинно ведаешь?

– Истинней не бывает! – Улыбаюсь ему в ответ, а про себя успеваю подумать.

«Куда уж точнее, если об этом уже в летописи прописано!»

Ночной город в этом времени не то, что в нашем. Он даже чернее чем сама ночь, ни одного огонька. На фоне темного безлунного неба я с трудом могу выделить очертания башен и стен Дерпта.

Отсюда, с края леса, видны лишь окраинные домики, да и

то потому что они совсем рядом и свежескрытые соломенные крыши отсвечивают даже в полной темноте.

Пригнувшись к самому уху Куранбасы, шепчу ему, тыча в сторону кустов стоящих где-то на полпути до ближайших домов.

– Там за ними дорога! Пусть стрелки Птахи раскидают по ней ежей и проследи, чтобы позицию заняли верную.

Тот исчез в темноте, а я подумал, что если мы с Калидой разглядели все верно, то от замка в этом направлении это единственный путь пригодный для конницы.

«Кавалерия наверняка поспешит перехватить отступающего из города врага, – еще раз утверждаюсь в своем плане, – и пойдет она здесь, другой дороги нет».

На этот случай я и приказал заготовить импровизированных ежей. Три отточенных кола накрепко связанных посередине.

Вспомнив о них, я усмехнулся.

«Танк не остановит, но лошадь налетев на него в темноте точно шархнет в сторону, либо на дыбы вскинется. Лучшей мишени не придумать!»

Прислушиваюсь, с другой стороны города раздались глухие хлопки.

– Началось! – Считаю их один за другим. – Один, два, три...

После пятого разрывы пошли часто, и я сбиваюсь со счета. Взметнулись первые языки пламени, где-то разбужено за-

резвонил колокол, раздались первые испуганные крики.

Пламя разгорается с каждой секундой, и на фоне пожара уже хорошо видны контуры стен и высоких башен. Горит восточный конец города, и разгоняемое ветром пламя уже вырвалось из-за стен и перекинулось вниз по склону на соломенные крыши посадов. Город взорвался криками людей, мычанием скота и бешеным лаем собак.

«Главное, чтобы не увлеклись! – Накатывает тревога. – Соболь парень отчаянный, но уж больно азартен. – Не позволяю нервам разгуляться и успокаиваю сам себя. – Там с ним Калида, он подстрахует если что.

Небо окрашивается заревом, и выход из города теперь почти просматривается. Еще пара мгновений, и я выдыхаю с облегчением. По двое, по трое, темные силуэты моих стрелков начинают вытекать из проулков. Все-не-все пока сказать не могу. Пытаюсь пересчитать, но тут становится не до этого. Из темной глубины города, явственно, доносится грохот копыт.

«Значит, не оторвались! – В напряжении сжимаю кулаки. – Ну ничего, сейчас мы их встретим!»

От крайних домов до леса шагов сто-сто пятьдесят, и это открытое пространство, которое надо преодолеть. В отсвете пожара теперь хорошо видна вытянувшаяся цепочка стрелков, бегущая под защиту ближайших деревьев.

Первый десяток всадников уже вылетел из темноты улицы и, заметив черные тени, рванулся вдогонку. Торчащие колья

ежей они заметили слишком поздно. Захрипели вздыбленные кони, понеслась отборная ругань. Спешившиеся всадники начали растаскивать препятствие, и тут на них посыпались стрелы.

Мои парни ударили практически в упор, шагов с пятнадцати. Никто не промахнулся. Трое из тех, кто оттаскивали ежи, упали как скошенные, остальные, унося в себе арбалетные болты, бросились в стороны. Те же, кто удержались в седле, начали уходить обратно, но тут с города вырвалась еще группа всадников. В отсвете пожара заблестели кольца кольчуг, и мчащийся впереди всех рыцарь заорал на своих.

– Куда, трусы! За мной!

На миг он притормозил у видимой теперь преграды, но тут же бросил коня в обход. В это момент перед ним разорвался первый заряд. Горящая лужа зачала черным дымом, и перепуганный жеребец взвился на дыбы.

Вставая во весь рост, стрелки Птахи, уже не таясь, начали закидывать всадников «гранатами». Один за другим глухо хлопнули разрывы, и полоса огня с клубами жирного густого дыма отсекала ошалевших от неожиданности преследователей.

За черной пеленой мне их тоже не видно, но это уже и неважно. Взвод Соболя практически достиг леса, да и ребята Птахи организованно отходят к ближайшим деревьям.

– В лесу всадники нам не страшны! – Удовлетворенно хмыкнув, я двинулся на встречу со своими. Сбор здесь неда-

леко на поляне.

Выхожу к месту встречи и вижу бойцов Соболя. Они все уже здесь, тяжело дыша, переводят дух. Ищу взглядом Калиду и, найдя, выдыхаю с облегчением – живой!

Подхожу к нему и стараюсь, чтобы мой голос звучал строго.

– Все целы?!

Тот подтверждающе кивает, и я уже доволен.

– Молодцы!

Тут же из темноты подтягиваются и стрелки Птахи. Последним, на поляну выходит Куранбаса.

«Хорошо, – мысленно одобряю поведение своего друга, – старший до конца прикрывает спины своих бойцов!»

Все в сборе, и я провожу взглядом по лицам стрелков.

– Отлично отстрелялись, парни! Господа рыцари запомнят эту ночь надолго!

В ответ вымазанные сажей физиономии засветились улыбками, а я команду.

– Все, уходим!

Остаток ночи двигались на север-запад, затем прошли по воде вдоль реки и только потом перешли ее вброд, на случай если преследовать будут с собаками. Дальше эстонец повел нас в обратном направлении и, только хорошенько запутав следы, разбили лагерь.

Еду не готовили, так пожевали в сухомятку, запили водой

и, выставив дозоры, завалились спать. Я думал вырублюсь на целый день, но не тут-то было. Проснулся, солнце еще в зените, а сна ни в одном глазу.

Ворча, поднялся, прошел к ручью, напился, поплескал на лицо и вернулся. Смотрю из всех бодрствует только эстонец да я.

«У остальных, надо понимать, совесть чиста!» – Ирони-зирую про себя и присаживаюсь рядом с эстом.

Тот молча ворошит угли в крохотном костерке. Никто из пленников не привязан, но я уверен, они не убегут. Их женщины остались на хуторе под охраной, и что с ними будет, нарушь они договор, было убедительно показано сегодня ночью.

Несколько минут сидим в тишине, а потом эст вдруг спрашивает.

– И что дальше? – Не поворачивая головы, он словно бы и не ко меня обращается. – Когда нас отпустят?

Вместо ответа я сам задаю вопрос.

– Как зовут-то тебя?

– Эйвар. – Эстонец тяжело вздохнул. – Эйвар Сеппа.

– Да не вздыхай ты так! – Растягиваю я рот в улыбке. – Все будет хорошо! Сделаете дело и отпущу!

– Когда?! – Бесцветные глаза, не мигая, уставились на меня.

Вижу, мужик шутить не склонен, и говорю уже по серьезному.

– Это от вас зависит!

В глаза эста по-прежнему висит все тот же вопрос, и я поясняю.

– У епископа Германа в округе Дерпта есть личные владения? Хутора, фермы, еще что-нибудь?

Эйвар подтверждающе кивнул, и я спрашиваю вновь.

– Покажешь где?

Вновь утвердительный кивок, и я довольно хлопаю его по плечу.

– Ну вот видишь, ты стал на шаг ближе к дому!

Дальше вновь сидим молча, и я даже прикемарил чутка. Очнулся, весь лагерь уже на ногах. Потянулся, протер глаза, смотрю, Калида подходит. Присел на корточки рядом, спрашивает.

– Ночуем здесь или еще одна бессонная ночь предстоит?

Усмехаюсь, глядя ему в глаза

– Еще, и не одна!

Поворачиваюсь к эсту, а тот все также ковыряется в костре, будто с нашего разговора прошла не пара часов, а пара минут.

«Да уж, недаром говорят, что у эстонцев время по-другому течет». – Хмыкнув, расчищаю перед собой место и толкаю того в бок.

– Эй, Эйвар, хватит бестолку палкой елозить, давай-ка набросай нам, где тут поблизости владения господина епископа.

Эст, все так же не торопясь, развернулся, с минуту молча смотрит на расчищенный кусочек земли. Вижу, Калида сейчас сорвется, и кладу ладонь ему на локоть, мол подожди. Еще с минуту ожидания, и Эйвар ткнул палкой в центр.

– Если здесь город, то вот сюда на закат лежат монастырские поля. – Палка прочертила извилистую линию. – Ниже по реке есть ферма господина епископа. – Он еще с минуту подумал и вновь тыкнул палкой. – А вот здесь, к югу, большое поместье его брата Теодориха.

«Отлично!» – Восклицаю про себя и бросаю взгляд на Калиду.

– Думаю, сделаем так. Сейчас выдвинемся поближе к городу, посмотрим, чем там дышит наш друг-епископ. Старика отправим потолкаться с народом, да заодно и слух пустить – за что напасть такая на горожан свалилась. Пусть знают, кто в их бедах виноват. Ежели, как я думаю, наших людей они не выпустили, то тогда разделимся на три отряда. Ты со взводом Ерша двинешься вниз по реке. Эстонский малец вас проводит. Найдете ферму, про которую старик говорил и спалите ее к чертям, а я с Сободем проведу поместье брата, пусть все семейство ощутит боль утраты. Ну а Птаха останется следить за городом, если какой отряд выдвинется в нашем направлении, то даст знать.

Калида недовольно смотрит на меня, и я знаю, что его волнует. опережая его, не даю ему возразить.

– Ратиша паренек сообразительный, но согласись, одного

его отпускать нельзя. Молод еще, пригляд нужен, а за меня не волнуйся, – расплываюсь в ироничной усмешке, – за мной Куранбаса присмотрит.

Еще не рассвело, но небо над головой уже начало сереть. Шли всю ночь, и я слегка зол на старика эста.

«Мог бы и предупредить, что так далеко, хрен старый!»

В полумраке край леса оборвался слишком резко, открывая склон холма с колоссящимся ржаным полем. Веду взгляд вниз – там крыши десятка деревенских домов.

«Так, а где же само поместье?» – Поднимаю глаза вверх и нахожу то, что искал.

Верхушку холма окаймляет добротная деревянная стена, а за ней виднеется второй этаж каменного здания, в одном окне которого непривычно светится окно.

– Оно? – Оборачиваюсь к эстонскому парню и получаю утвердительный кивок.

– Да! Это Медвежья голова.

«Раз Медвежья голова, то точно оно, – щерюсь в довольной усмешке, – под таким названием поместье Теодориха Буксгевдена вошло в летописи».

Нахожу взглядом Куранбасу.

– Ну что думаешь?! Сейчас начнем или следующей ночи дождемся?!

Половец поднял взгляд к сереющему небу, покрутил носом как собака, и выдал то, что я и так знал.

– Если в поместье воинов много, то оторваться днем будет труднее. – Он глянул на свою одежду в маскировочных пятнах. – Даже в этом!

Перевожу взгляд на Соболя.

– А ты, Ванька, что скажешь?

– Да чего ждать! – Тот довольно скалится во все тридцать два зуба. – Запустим красного петуха супостатам и айда в лес. Никто нас не догонит!

Ответ обоих ожидаем, и я понимаю, что решать придется самому.

«Ждать следующей ночи не хочется, но рисковать еще меньше! – Пытаюсь определиться с решением. – С другой стороны, торчать тут тоже не с руки. Может, нашим помощь понадобится».

Этот аргумент становится решающим, и я киваю Куранбасе.

– Возьми пятерых и займите позицию перед воротами. Все как в прошлый раз, и в первую очередь сбивайте всадников.

Сказав, я кивнул Соболю, мол за мной, и двинулся вверх по склону к темнеющей на фоне серого неба стене. По выступающим крышам пытаюсь определить где что. В центре, понятно, хозяйский дом. За ним вон высокий конек, там скорее всего конюшня и амбары.

«Значит, нам туда!» – Выбрав место, огибаю холм под прикрытием леса, чтобы не светится раньше времени. За

мною, прячась за деревьями, вытянулась пятерка Соболя.

Выйдя на позицию, оборачиваюсь и еще раз проверяю подходящих бойцов. Арбалет, колчан за спиной, на груди что-то типа современной разгрузки, в которой уложены по три пятикилограммовых шара. Из каждого торчит пробка с фитилем и еще пахнет смесью спирта со скипидаром. Разливали совсем недавно на подходе.

Обвожу взглядом вымазанные землей лица.

– Поднимаемся здесь и растягиваемся по склону! Особо не высывайтесь! Не забывайте, на стене стража тоже не зря свой хлеб ест. Забрасываете по паре снарядов и назад! Всем понятно?!

Получаю в ответ утвердительные кивки и команду.

– Тогда пошли!

Пригибаясь в высокой траве, парни поползли вверх. Через минуту они уже под самой стеной. Пока тихо!

Вижу, как полетел первый шар, и почти сразу по торчащему коньку крыши раскатилось пламя. Тут же следом еще один и еще. Теперь над стеной уже клубился густой черный дым. Еще пара мгновений, и все поместье скрылось за дымной пеленой, а откуда-то из ее глубины донеслись испуганные людские вопли, ржание лошадей и залиvistый лай.

Один за другим возвращаются стрелки. Все целы, никто нас здесь не ждал, и охрана по всему в этот час попросту дрыхла.

Нахожу взглядом совершенно бешенные глаза Соболя и

успокаиваю парней.

– Все, выдохнули! Все молодцы, а теперь бегом обратно!

Бросив команду, разворачиваюсь и бегу уже знакомой тропой. Вновь обходим по лесу холм и выскакиваем к дороге. Вниз по склону деревня, там уже трезвонит колокол, и слышен встревоженный гул. Вверх по склону, распахнутые ворота поместья и бегущий оттуда народ.

Последний рывок вдоль придорожных кустов, и я вижу Куранбасу и притаившихся стрелков.

«Никто не стреляет!» – Отмечаю это краем сознания и падаю на землю рядом с половцем.

– Ну что там?! – Спрашиваю и сам уже вижу всю картину.

В проеме распахнутых ворот видно бушующее в поместье пламя. Мечущиеся люди выгоняют мычащий от ужаса скот и спасают хозяйское добро. Испуганным потоком выносятся табун лошадей.

Не оборачиваясь, Куранбаса кивает в сторону поместья.

– Бойцов почти нет, одни бабы да старики!

Я уже и сам это вижу.

«Что же ты, Теодорих, дома-то не ночуешь?! – Иронизирую про себя и тут вижу среди бегущих людей одну выделяющуюся фигуру. В окружение служанок, стараясь сохранить достоинство, идет явно хозяйка горящего дома. Накинутая на плечи дорогушая шуба, убранные в жемчужную сетку волосы говорят сами за себя. Ей расчищают дорогу два крепких бойца в кольчугах со спущенными койфами.

Показываю Куранбасе на эту группу.

– Собери всех наших, и хозяйку возьмите мне живой!

Глава 7

Два арбалетных болта в грудь сваливают охранников на землю. Взметнувшийся женский визг, и стайка служанок, бросив свою хозяйку, метнулась в разные стороны. Оступившаяся от неожиданности госпожа упала в траву и замерла в испуганном оцепенении.

Она так и лежала в полном ступоре, пока мои стрелки не подхватили ее под руки и не притащили ко мне. Парни особо не церемонились, и вид у нее теперь слегка помятый. Шуба упала где-то по дороге, уложенная прическа растрепалась, и длинные свисающие пряди волос делают ее похожей на всех прочих испуганно голосащих баб.

Провожу оценивающим взглядом по женскому лицу тщетно пытающемуся скрыть обуревающий страх.

«С учетом того, что только что у нее на глазах сгорел дом и перебили охрану, держится дама неплохо!» – Проносится в голове, но вслух я задаю другой вопрос.

– Ты кто?!

Получаю в ответ гордо вскинутый подбородок и гневный взлет бровей.

– Я Елеонора Буксгевен, жена барона Теодориха Буксгевена! Мой муж могущественный человек, и если вы тронете меня хоть пальцем, то...

Подняв ладонь, останавливаю ее.

– Не торопитесь с угрозами, сударыня!

«Елеонора! Надо же! – Азартно хмыкаю про себя. – Вот это удача, так удача!»

Тут же пытаюсь выудить из памяти хоть что-то относительно этой женщины.

«Если мне не изменяет память, то женой господина барона должна быть родная сестра неудачливого князя Псковского Ярослава Владимировича. Тогда имечко у нее странноватое, и скорее всего, в девичестве ее звали по-другому».

Гневно-пронизывающий взгляд все еще жжёт мне лицо, и я не могу удержаться от усмешки.

– Да не напрягайтесь вы так, лучше скажите мне, как вас в детстве батюшка ласково называл?

Мой вопрос настолько ошарашил женщину, что ее губы произвольно прошептали.

– Оленька! – Осознав это, она мгновенно вспыхнула. – Да как ты смеешь?! Кто ты такой вообще?!

«Гнев ее портит!» – Решаю, глядя на искривившееся женское лицо, и пресекаю ее эмоциональный порыв.

– Я тот, Ольга, кто не боится вашего мужа! Это пока все, что вам нужно знать.

Мои слова видимо вернули баронессу к реальности, и она как-то враз обмякла.

– Послушайте! – В ее голосе впервые послышался настоящий страх. – Не причиняйте мне зла, и вы получите от моего мужа хороший выкуп.

Молча кивнув, мол это само собой разумеется, я слегка успокаиваю пленницу.

– Все с вами будет хорошо, не волнуйтесь! – Стараюсь, чтобы голос не выдал моей заинтересованности, и добавляю жесткости. – Если, конечно, будете вести себя благоразумно.

Мне искренне жаль эту женщину, и ничего плохого я ей не желаю, но она действительно ценный приз и ее пленение все в корне меняет. Теперь мне не потребуется торчать здесь слишком долго, принуждая епископа к разумному решению. Теодорих надавит на брата, и мы попросту обменяем его жену на всех наших людей, томящихся сейчас в темнице.

«А раз так, – прихожу к логическому выводу, – то с этой минуты нанесение противнику максимального ущерба перестает играть определяющую роль».

Мой взгляд непроизвольно проходит по лежащим на склонах колоссящимся полям, по еще не тронутым огнем крышам деревенских домов, и вновь возвращается к полыхающему поместью.

– На этом, пожалуй, остановимся! – Решаю с изрядной долей облегчения и поворачиваюсь к стоящему за спиной Куранбасе.

– Трубите отбой, командор, мы уходим!

Никакой трубы у Куранбасы конечно же нет, и кто такой командор он тоже не знает, но половец уже давно не обращает внимания на мою манеру речи, а старается уловить лишь самую суть.

Его гортанный крик поднимает лежащих в засаде стрелков, и мы начинаем отходить к лесу. Скрывшись за деревьями, не останавливаемся, и несмотря на бессонную ночь, гоню взвод почти до полудня, пока не отрываемся на достаточное расстояние от поместья. Хоть там и не было серьезной охраны, но мало ли чего!

Солнце уже висит над самыми кронами вековых сосен. Парни идут ходко, а вот баронесса совсем скисла и едва держится на ногах. У нее все непригодно для лесного похода: ни длинная из толстого сукна рубаха, ни мягкие войлочные туфли.

Решаю остановиться на привал и, найдя подходящую поляну, даю знак Куранбасе. Тот командует, и стрелки с облегчением скидывают поклажу и валяются на землю. Видно, что ребята вымотаны до предела, но держатся стойко и не показывают этого.

Костров не разводим, Соболь выставляет дозоры, сам лично вяжет пленницу и только после этого позволяет себе присесть.

Я еще вижу все это сквозь закрытые ресницы, но через мгновение отрубаясь. Сколько проспал не знаю, кажется одно мгновение. Просыпаюсь из-за какого-то внутреннего беспокойства и почти панического чувства тревоги. Открываю глаза и нервно обвожу лагерь взглядом. Вроде бы, все спокойно и на своих местах. Стрелки спят, подложив под головы ранцы и войлочные плащи. Пленница тоже на месте, си-

дит, прислонившись спиной к дереву.

«Фу ты дьявол! – Успокаиваю рвущееся из груди сердце. – Нервы ни к черту! Видать сказывается нервное напряжение последних дней. Даже спать спокойно уже не могу!»

Ищу глазами Соболя, но среди лежащих вокруг костра парней его нет. Поднимаю глаза и вижу его выходящим из-за веток разлапистой ели.

Жестом зову к себе, и тот, бесшумно просочившись между спящих товарищей, присаживается рядом.

Глянув на меня и почувствовав невысказанный вопрос, он деловито поясняет.

– Посты проверял.

Эта его добротная уверенность и рачительность действует на меня успокаивающе, вновь вселяя пропавшую было уверенность.

Удовлетворенно кивнув парню, я в очередной раз отмечаю для себя, что из Ваньки получится отменный командир. Такие мысли окончательно прогоняют беспричинную тревогу и возвращают меня в привычный тонус, где мне нельзя поддаваться слабости даже на минуту.

Снимаю с лица появившуюся было улыбку и показываю ему на пленницу.

– Почему баронесса одна и никто за ней не смотрит?!

– Так она ж...

Жестко обрываю его попытку оправдаться.

– Оправдания мне не нужны! Сейчас прощаю, а в следу-

ющий раз спрошу по полной! – Нахмутив брови и заставив Ваньку поежиться, продолжаю. – Приставь к ней двух бойцов, пусть стерегут ее как зеницу ока. – На всякий случай растолковываю еще раз, но с особым ударением. – Тетка не простая, и ты мне головой за нее отвечаешь. Случится с ней чего, шкуру спущу!

Ничуть не испугавшись моей угрозы, Ванька довольно ощерился.

– Все сделаем в лучшем виде, не сомневайтесь!

К условленному месту подошли только на следующий день к полудню. Задержались, потому как пленница за нашим темпом не попевала и изрядно сковывала движение. По моим подсчетам остальные отряды должны были уже быть на месте и ждать нас.

Поэтому на подходе я подмигнул Соболю.

– Скажи своим, чтобы затихли, проверим, как ваши товарищи службу несут.

Дальше пошли аккуратненько, не дыша и не задевая ветки деревьев. К моему удовлетворению, как ни таились, но вскоре нас поприветствовали коротким свистом. Посмотрев вверх, я нашел дозорного, затаившегося в ветвях дерева.

«Служба на высоте!» – Сыронизировав, я помахал рукой в ответ, и мы двинулись дальше.

Следующие пятьсот метров нас еще два приветствовал опознавательный свист, пока мы не вышли к лагерю. С

первого взгляда вижу, что место выбрано со знанием дела, в этом Калиде не откажешь. С одной стороны крутой берег и пойма ручья, с другой болото. Мы в случае чего может уйти в любую сторону, а вот застать нас врасплох практически невозможно.

Чуть передохнув и перекусив, зову старика эста. Калида и Куранбаса сидят здесь же, рядом со мной у костра. Их я тоже позвал. Наши дальнейшие планы сильно зависят от того, что расскажет старик, и как говорится, одна голова хорошо, а три лучше.

Подошедший эстонец застыл перед нами, не решаясь сесть без разрешения, и я показываю рукой на место напротив.

– Садись, Эйвар, потолкуем.

Старик неторопливо опустился на землю, и дав ему время усесться, я задаю первый вопрос.

– Ну, как там ситуация в городе? Как себя чувствует наш друг епископ?

Эст моей иронии не понял, но переспрашивать не стал. Почесав остатки своих седых волос, он начал говорить.

– Город напуган! Выгорело чуть ли не с треть! В монастыре сгорели все деревянные постройки, еле-еле отстояли кельи послушников и дом епископа. – Он помолчал, словно бы обдумывая сказанное, и продолжил. – О случившемся на улицах много чего говорят, но и я свое слово вставил. Слух о том, что это наказание слуги божьего Германа за стяжатель-

ство и суд несправедливый, теперь гуляет по городу.

Он говорит так медленно и с постоянными остановками, что я успеваю не только перевести сказанное, но и подождать продолжения рассказа. Ни Калида, ни Куранбаса пока никак не прореагировали, а старик, вновь помолчав, начал рассказывать кое-что занятное.

– Вчера в Дерпт примчался брат епископа Теодорих с большим отрядом. На рынке слышал, будто Герман его вызвал, и еще говорят, что епископ в бешенстве и срывается на близких и слугах. А нынче утром так сказывали, что братья рассорились. Да так, что весь замок крики слышал.

Теперь мне стало понятно, почему позавчера в поместье не было серьезной охраны. Большая часть бойцов ушла с бароном в Дерпт. Причина ссоры мне тоже ясна. Теодорих узнал о нападении на свое гнездо и похищении жены. Наверное, в сердцах обвинил в этом брата.

«Сейчас они оба на нервах, – быстро осмысливаю услышанное, – но плохо понимают причины происходящего. Думаю, пришло время добавить конкретики».

Нацеливаю пристальный взгляд на эста.

– Тебе придется вернуться в город и передать епископу еще одно послание, но в этот раз прямо в руки. Скажешь все как есть, что тебя поймали в лесу русские и заставили отнести письмо. Отдашь и ты свободен, и семейство твое тоже отпущу.

У меня уже созрел план обмена, и даже подходящее ме-

сто для этого тоже наметилось. Пока шли сюда, переходили вброд одну речушку, и мне тогда пришла мысль – вот отличное местечко для стрелки. Один берег пологий и совершенно голый, а второй – крутой и покрыт лесом. С такой позиции можно тридцатью стрелками с легкостью сдержать натиск не одной сотни.

Обдумав все, вновь поднимаю взгляд на эстонца. Вижу, что его терзают сомнения, и жестко пресекаю их.

– Мне тебя обманывать ни к чему! Хотел бы убить твоих женщин, так все были бы уже мертвы, а письмо вместе с трупом твоего сына мог бы под ворота Дерпта подбросить. Так еще эффектнее получилось бы, но как видишь, я честное сотрудничество ценить умею и слово мое верное. – Вытаскиваю из сумки серебряную монету в четверть гривны и протягиваю ему. – Держи! Так сказать, авансом за нервные издержки!

Последнюю часть моей фразы старик явно не понял, но монета все сказала без слов. Он осторожно взял ее, словно это было не серебро, а раскаленный уголек, и склонился в поклоне.

– Можешь не волноваться, письмо передам и лишнего болтать не стану.

Кивнув, отпускаю Эйвара со словами.

– Двинешься в путь, как я напишу послание. Парни тебя проводят.

Эст ушел, а Куранбаса, глядя ему в спину, недовольно по-

качал головой.

– Зря ты доверяешь этому человеку. Склизкий он какой-то, как рыба! – Половец посмотрел мне прямо в глаза. – Хочешь обменять жену барона на своих людей, это дельно, а вот доверять рыбоглазому – безрассудство! Давай я письмо отвезу в Дерпт и подкину аккуратненько. Больше пользы будет!

Отвечаю на тревогу Куранбасы загадочной улыбкой.

– А я и не доверяю! Более того я уверен, что старина Эйвар нас сдаст, едва его прижмут как следует. Надавят, и он все расскажет как миленький: сколько нас, кто мы такие, и где баронессу держим.

Теперь заинтересованность появилась не только на лице половца, но и у Калиды.

– И как же тогда?! Затеял чего? Поделись!

Вместо ответа все с той же улыбкой на губах задаю им обоим встречный вопрос.

– Вот вы в подобной ситуации на месте епископа что бы сделали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.